

Раковский,
X.

Румыния
и
Бессарабия

М., 1925.

ИИЛ — Библиотека

ВР 60

Р 271

Н.ж.

Х. РАКОВСКИЙ

РУМЫНИЯ И БЕССАРАБИЯ

К СЕМИЛЕТИЮ
АННЕКСИИ
БЕССАРАБИИ

ИЗДАНИЕ ЛИТИЗДАТА Н. К. И. Д.
МОСКВА—1925 г.

Х. РАКОВСКИЙ

РУМЫНИЯ и БЕССАРАБИЯ

К СЕМИЛЕТИЮ
АННЕКСИИ
БЕССАРАБИИ

ИЗДАНИЕ ЛИТИЗДАТА НКВД
МОСКВА—1925

Отпеч. в 10-й тип.
„Заря Коммунизма“
Мосполиграф.
Чистые пруды, д. 8.
(Главлит № 37067).
Зак. №1057. Тир. 3000.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ*)

Корреспондент «Таймса», Стивен Грэхэм, рассказывает занимательное приключение, которое ему пришлось пережить в Бессарабии во время его об'езда этой провинции прошлой осенью. Когда он был там, к нему обратился румынский журналист за интервью. Грэхэм высказал свое искреннее мнение о положении вещей в Бессарабии, но каково было удивление корреспондента органа Сити, когда в напечатанном в румынской газете интервью было сказано как раз обратное тому, что он говорил. Дальше я привожу собственные слова Грэхэма:

«В больших аншлагах мне приписывалось, что будто-бы я нашел всех счастливыми и процветающими под румынским владычеством и всех говорящими по-румынски, и что я был удивлен множеством русских газет в стране, национальным языком которой, очевидно, является румынский. Я был возмущен, когда я прочитал все это, но случайно это оказалось мне полезным. Все это я сохранил, как дополнительный паспорт, на случай опасности ареста, говоря повсюду, что написанное в большей части ложь и, во всяком случае, очень тенденциозно, но это то, что один из ваших журналистов пишет обо мне».

Нужно сказать, что в таком виде передавались ответы иностранных корреспондентов не только зарвавшимися мелкими репортерами, но и румынскими дипломатами. Так, господин Лаговари, румынский представитель в Риме, говоря о том, что теперь в Бессарабии господствует мир и благодать, ссылается, как на доказательство этого, на... большую европейскую прессу.

Несмотря на то, что корреспондент «Таймса» находился все время под «покровительством правительства», к нему, как он объясняет, все время был приставлен офицер для того,

*) Настоящая брошюра является, отчасти, ответом румынским дипломатам г. г. Лаговари и Титулеско, выступившим в печати против автора в связи с некоторыми статьями его в английской и итальянской печати.

чтобы он не мог ни с кем сноситься и разговаривать, и несмотря на то, что благодаря официальной шумихе, которую вокруг него создали румынские газеты, само население относилось к нему с некоторым подозрением, а кое-кто даже считал, что его использовывало румынское правительство для разведывательных целей,—несмотря на это, ему все же удалось сделать ряд интересных наблюдений, которые он изложил в трех корреспонденциях, напечатанных в «Таймс» в октябре месяце прошлого года. Хотя я забегаю немного вперед (так как ниже будет отдельно идти речь о теперешнем состоянии Бессарабии), однако занимательное приключение Грэхэма настолько характерно для румынских журналистских и дипломатических нравов, что я, нарушая логический порядок настоящего ответа, хочу теперь же подчеркнуть существенные выводы, к которым пришел м-р Грэхэм. Он многократно констатирует наличие в Бессарабии всеобщего недовольства (*general discontent and considerable disaffection*) и указывает на большое брожение (*much ferment*) даже среди говорящего по-румынски населения. Он констатирует, что, по всем заявлениям, жизнь в Бессарабии была гораздо легче при русских, чем при румынах, что Румыния неспособна управлять, что ее администрация груба (*brutal*) и подкупна, что экономическая жизнь страны в полном упадке, и что румынская администрация оказалась неспособной даже восстановить мосты. Он свидетельствует, что румынская власть начала отчаянную борьбу против русской культуры, что она закрыла библиотеки, запретила ввоз русских книг (даже тех, которые печатаются в Берлине и Париже), запретила печатание новых, запретила русский театр и даже фильмы, изображающие сцены из русской жизни. Сам Грэхэм видел, как в Аккермане (теперь «Читато Альба»—Белая Крепость) были расклеены на улицах афиши о фильме «Тарас Бульба», но эта фильма не демонстрировалась, так как румынская цензура ее запретила. Преследуется религия, и первый акт румынских властей состоял в том, чтобы запретить славянское богослужение в церквях. Недовольны все, исключая немецких колонистов, к которым румынское правительство, желая, очевидно, угодить генералу Макензэну, не применяло закона об аграрной реформе и за которыми оно оставило все земли, принадлежавшие им раньше. Замечу, со своей стороны, что неудивительно, если в последнем восстании в Бессарабии немецкие колонисты, в отличие

от всех других, организовывали добровольные банды против восставших крестьян. Характерно сообщение Грэхэма, что даже евреи, которые обыкновенно легко приспосабливаются ко всяким режимам, заявляют, что они предпочитают советскую власть буржуазной власти Румынии,—заявление, которое очень глубоко огорчило г-на Грэхэма, далеко не являющегося, конечно, другом советского правительства. Не менее характерными для теперешнего состояния Бессарабии являются слова какого-то румынского полковника Н., который конфиденциально сказал Грэхэму в «Читато Альба»: «это не Румыния, это скорее похоже на Марокко. Мне надоело: ничего, кроме тревоги! Я надеюсь, что скоро меня уберут отсюда».

Одно слово еще о политической жизни Бессарабии. Румынский посланник в Лондоне г-н Титулеско хвастает, что румынское правительство теперь стало «демократическим», что бессарабские крестьяне получили всеобщее избирательное право. Далекое не того мнения г-н Грэхэм. Он заявляет, что в Бессарабии выборов нет, что там есть назначение, что выбирается тот, которого намечает правительство. В качестве иллюстрации к этому заявлению корреспондента «Таймс», мы можем сообщить, что недавно в румынских газетах был напечатан тайный циркуляр г-на Кантаньяри, префекта аккерманского округа, относительно того, как должны поступать административные и военные органы во время выборов. Дело сводится к применению известной старой формулы румынского правительства: жандарм справа и жандарм слева, а посредине избиратель.

Румынские министры и румынские дипломаты говорят, что Бессарабия представляет из себя «цветущий сад». Что в Бессарабии цветет кое-что, в этом нет никакого сомнения, но какого рода цветы содержит этот сад, об этом достаточно говорит г-н Грэхэм. С самим г-ном Грэхэмом произошел очень интересный казус. На этот раз речь идет не о том, что произошло с интервью, а о том, что произошло с ним самим. Г-н Грэхэм был послан большой лондонской газетой, несомненно, для того, чтобы оказать моральную поддержку Румынии, одному из тех «барьеров цивилизации», которые должны удерживать «восточных варваров» от их продвижения на Запад. И не вина г-на Грэхэма, что оказалось, что этот барьер цивилизации построен из очень гнилого материала. Долг профессионального журналиста оказался сильнее долга политика, и, поехавши, чтобы хва-

лить Румынию, он, не проявляя ни малейшей симпатии к советской власти, должен был написать против румынского правительства один из самых убедительных обвинительных актов.

Перехожу теперь к моим статьям и речам 1912 г., которые так усиленно цитируют румынские дипломаты, Титулеско и Лаговари. Меня постигла судьба, аналогичная судьбе интервью м-ра Грэхэма с румынским репортером. Из меня, который был всю свою жизнь самым отъявленным врагом румынских помещиков и румынской олигархии, который служил для них своего рода козлом отпущения при всех наиболее острых проявлениях борьбы румынских крестьян и рабочих за свое освобождение и многократно должен был в тюрьмах размышлять о сладостях власти румынских буржуазных партий, и против которого, наконец, они вынесли смертный приговор, — из меня, обличителя насилия румынского правительства над национальными меньшинствами еще в старой Румынии, румынские дипломаты хотят сделать защитника аннексии Бессарабии Румынией, т. е. защитника одного из самых грубых и подлых обманов в современной политической истории.

Каким образом могло это случиться? Во-первых, у этих господ нет мужества писать все то, что я говорил, и, во-вторых, эти господа лишены элементарной способности анализа, для того, чтобы соответствующим образом понять даже то, что они цитируют из моих статей и речей. Поэтому, они мне теперь задним числом выдают удостоверение румынского патриота и даже лучшего, чем они, потому что в то время, когда я протестовал против политики захвата и насилий русского царизма, они пели ему хвалебные песни. Я благодарю их за высокую запоздалую честь, которую они мне делают, но я не нуждаюсь в «дополнительном паспорте».

Напрасно они стараются создать диверсию, используя мои статьи. В моих статьях нет ничего такого, что они могли бы использовать для себя. Совсем наоборот. Я далек, конечно, от отрицания того, что является заслугой всех нас. Мы, коммунисты, называвшиеся раньше социал-демократами, гордимся тем, что в течение десятков и десятков лет мы были самыми решительными бойцами против царского правительства и его насильнической захватной политики. Напрасно думают румынское правительство и его представители за границей, от-

капывая мою книгу, написанную еще в 1898 г., т. е. больше четверти столетия тому назад, против русской политики на Востоке, где я бичую обман и насилие, применявшиеся царским правительством не только в Бессарабии, но и в Польше, и в Крыму, и в Финляндии, и на Украине,—что им удастся найти в ней аргументы в свою пользу. То же самое и с моими речами и статьями 1912 года по поводу столетия аннексии Бессарабии Россией. Если бы они дали себе немного труда, они бы могли найти такого рода критику русской политики у гораздо более авторитетных представителей нашей партии в прошлом и—лучше всего и больше всего—в статьях и речах нашего вождя Ленина. Но отсюда следует только одно, а именно, что мы все время боролись за самоопределение народов, а отнюдь не за обманную и насильственную их аннексию другими государствами. Мы отстаивали право народов стремиться к своему национальному единству, но на основе их действительного политического равенства, которое возможно лишь при условии свержения аграрного и капиталистического феодализма. Исходя из этих положений, я выдвигал в 1898 г. в своей книге против царской России и в своих речах и статьях в 1912 г. одну основную идею—создание республиканско-демократической федерации народов Балкан и Дуная. Предварительным условием освобождения Бессарабии я считал революцию в России, но не в том смысле, чтобы румынская олигархия использовала гражданскую войну в России для того, чтобы ворваться ночью со своими танками, пушками и аэропланами и захватить обманным образом, т. е. украсть, Бессарабию, а в том, что русская революция создаст возможность именно для такой свободной и республиканской демократической федерации. Вот что я говорил и писал в 1912 г. Вот почему я тогда с не меньшей беспощадностью бичевал румынские порядки, квалифицируя их, как не отличающиеся от порядков русского царизма. Мои противники вынуждены сами приводить цитату, в которой я говорил, что жду освобождения Бессарабии от русской революции, но они ничего не говорят ни о моем требовании Балканской демократической республиканской федерации, ни о другом еще требовании, являющемся условием освобождения народов от национального гнета,—о низвержении самой румынской олигархии, за которой в своих речах 1912 года я отрицал даже малейшее моральное право гово-

рить об освобождении бессарабского населения от царского гнета. Об этом я говорю подробно, между прочим, в речи, приведенной в «Романиа Мунчитоаре» от 20 мая 1912 г., и в это же время я говорю о том, что осуществление этой задачи возможно лишь при победе рабочего класса не только в России, но и в самой Румынии:

«Мы социадисты—оптимисты, потому что верим в торжество права народов. Даже наши враги вынуждены рассчитывать теперь исключительно на победу международной социальной демократии, так что даже «Вииторуль» ожидает освобождения трансильванских румын от победы социалистов. Мы ожидаем освобождения Бессарабии от победы русской революции. Одновременно мы протестуем и против преступления, совершённого царским правительством над русскими рабочими на Лене. Мы протестуем против преступления царизма, сославшего 54 депутатов-социалистов 2-ой Государственной Думы. Русский пролетариат должен служить примером. Когда в Австрии буржуазия отказалась дать избирательное право, австрийский пролетариат крикнул: «тогда мы станем говорить по-русски». И румынский пролетариат должен научиться говорить по-русски. Он тоже должен научиться, как устраивать всеобщие забастовки для защиты своего дела. Российский пролетариат—часть международного пролетариата и международного социализма. Поэтому вы должны крикнуть вместе с миллионами рабочих всех стран: «да здравствует международный социализм!»

Ясно, таким образом, для каждого, что падение русского царизма, освобождение Бессарабии, освобождение самой Румынии от тех ее хозяев, которые и теперь находятся у власти,— все это являлось одной и той же задачей.

Таковы заключения моих речей в 1912 г. Одна часть наших желаний осуществилась: Бессарабия была вырвана из цепких рук царской России. Но Бессарабия должна быть вырвана и из жадных рук румынской олигархии. Эта задача еще не исполнена. Еслиб я принадлежал, как в 1912 г., активно к румынскому рабочему движению, моя задача была бы шире. Она не ограничилась бы только крестьянами Бессарабии, она распространялась бы и на крестьян всей Румынии. Но эта задача не моя, а задача самого румынского рабочего движения, его внутренний вопрос; бессарабская же проблема является не проблемой внутренней, а проблемой международной.

Историческая справка. Бессарабия и Добруджа.

И г-н Титулеско, и г-н Лаговари стараются все время смешивать вопрос об аннексии Бессарабии русским царизмом в 1812 г. с вопросом об аннексии трех бессарабских округов, которые были присоединены к Румынии после крымской войны и—обратно к России после войны 1877-78 г.

Так как мы являемся решительными противниками того, чтобы судьбу народов связывать какими-бы то ни было историческими правами, приписываемыми тому или иному государству, то с нашей точки зрения эта разница несущественна; но румынским дипломатам, которые все время говорят об исторических правах, о договорах и проч., и проч., следует напомнить, что Бессарабия, занятая русскими войсками в первые годы XIX столетия и закрепленная за Россией договором 1812 г., была в течение 18-го столетия, с 1711 по 1812 г., уже пять раз захватываема Россией, а в момент заключения договора 1812 г. она принадлежала не Румынии, а Турции. Самой Румынии, как государства, в то время еще не было. Она сама являлась турецкой провинцией. Если же вернуться к эпохе существования в старо-давние времена румынского государства, то и оно владело Бессарабией лишь в течение меньше, чем 50 лет, при Стефане Великом, с 1457 по 1504 г. Уже в 1520 г. Сулейман Великий занял южную Бессарабию.

Что представляла из себя Бессарабия в 1812 г., когда она была занята Россией? Богатую, но пустынную землю с населением меньше 200 тысяч человек! По русской же статистике января 1915 г., Бессарабия имела населения—2.686.000. На каком же основании румынское правительство, даже если перейти на его точку зрения о так называемых исторических правах, может претендовать на страну, к организации и развитию которой оно абсолютно не имело никакого отношения?

Нужно просто изумляться, что когда пытаются решать судьбы живых людей, имеющих определенные интересы, желания, стремления, то прибегают к научным спорам, в которых жонглируют такими понятиями, как антропология, этнография и филология. Мы всегда отказывались итти таким путем, считая его издевательством над населением. Бессарабские рабочие и крестьянские массы лучше знают, чего они хотят, чем тот или иной

профессор, навязывающий им свои собственные кабинетные измышления. Однако, если румынские дипломаты непременно хотят перенести спор на эту почву, то мы уже указывали, что здесь им, кроме позорного поражения, ждать нечего. Мы можем привести доказательства не русских и украинских ученых, а взятые у историков прошлого и настоящего времени, принадлежащих к другим народностям, не заинтересованным в этом споре.

Историк Римской империи Энакко описывает Бессарабию, как страну, которая во времена римского владычества являлась страной, куда ссылали государственных преступников Римской империи, т. е. Бессарабия являлась по отношению к Римской империи тем, чем в известные времена являлась Сибирь для Российской империи. Впоследствии Бессарабия, являясь перекрестком для множества кочующих племен, как гунны, болгары, авары, мадьяры, куманы, не представляла из себя какой-нибудь организованной провинции, до ее подчинения туркам в конце XIV столетия. Таким образом, мы видим, что население Бессарабии сложилось из потомков ссыльных колонистов Римской империи, с которыми смешались остатки иммигрировавших народов, главным образом, славян и монголов. Известная «История средних веков», изданная Кембриджским университетом, считает, что румынское население Бессарабии представляет из себя румынизированных аваров и болгар. Молдавское же население представляет из себя конгломерат различных этнографических групп. Этим населением был воспринят более легкий латинский язык, преимущественно перед более трудными славянским и монгольским языками. Поэтому Бессарабия, хотя и была рассматриваема, как румынская страна, фактически была населена в большинстве своем по-румынски говорящими латинами, славянами и монголами.

О том, что среди коренного населения Бессарабии славяне занимают видное место, говорят старинные названия бессарабских местечек. Так, напр., местечко Ачерна, что по-турецки означает Белая крепость (Аккерман), которое румыны теперь переименовали в Читато Альба,—называлось встарину Белгород.

Вообще смешно слушать об этнографическом принципе, как доводе в пользу принадлежности той или иной народности тому или иному государству, не только в отношении Бессарабии, но и в отношении самой Румынии, население которой представляет из себя такую же этнографическую смесь. Это

правильно не только тогда, когда речь идет о румынских боярах, которые почти все иностранного происхождения, как об этом не раз указывали румынские же историки, о румынской буржуазии, которая на 3/4 иностранного происхождения— болгарского и, в особенности, греческого,—но даже когда речь идет о румынском крестьянстве, у которого несравненно больше славянской крови, чем румынской крови у г-на Лаговари, румынского представителя в Риме, который ведет свое происхождение из Греции, по всей вероятности, из греческого квартала Константинополя—Фанар.

Объединяющим моментом выдвигается национальная культура. Но дело в том, что до половины прошлого столетия румыны сами не имели своей национальной культуры. Не только в церквах и в редких в то время школах, но даже и в административных документах тогдашних Молдавской и Валахской областей продолжал господствовать старо-болгарский язык. Все это—исторически установленные факты, многочисленные доказательства которых, повторяю, можно найти у самих румынских историков. Это не мешает, однако, румынским дипломатам теперь выводить из этнографии, антропологии и филологии,— слова, которыми пересыпаны статьи как г-на Лаговари, так и г-на Титулеску,— «суверенные права» Румынии на Бессарабию. Не каждый, который объявляет себя суверенным, имеет на это право. В этом отношении «суверенные права» румынских помещиков не более убедительны, чем суверенные права, которые присвоил себе известный французский мономан, богач-сахаро-заводчик, Жак Лебоди, объявивший себя несколько лет тому назад императором Сахары. Разница заключается только в том, что достаточно было разразиться смехом общественному мнению различных стран, чтобы развенчать императора Сахары, тогда как для развенчания суверенных прав Румынии на бессарабское население, очевидно, нужны аргументы гораздо более убедительные.

Что касается трех округов, которые в 1856 году отошли к Румынии, а именно полностью Измаильский и частично Кагульский и Болградский, то они составляли общую площадь в 10. 220 квад. верст с населением 127 тысяч ¹⁾). Однако, вот

¹⁾ Пишущие и говорящие о Бессарабии нередко впадают в ошибку, называя эти три округа тремя уездами, отошедшими к Румынии и затем возвращенными Румынией России. На самом деле эта терри-

что говорит об этих округах официальное издание английского Foreign Office «О Бессарабии», которое, в общем, чрезвычайно тенденциозно старается отстаивать права Румынии, но часто должно отдать должную дань и исторической истине: «На основании двадцатого пункта Парижского договора, к Румынии отошла большая часть так называемого «Буджака», но часть Бессарабии, возвращенная Румынии, была как раз той, которая, вследствие прежних опустошений и прихода впоследствии иностранных колонистов, с расовой точки зрения являлась меньше всего румынской из всей Бессарабии». В этой части, отошедшей к Румынии, имелось около 40 болгарских колоний. Так как румыны тогда уже хорошо умели применять искусство выживания населения, часть болгарских колонистов, (около 22 тысяч), не вынесших притеснений румынской администрации, эмигрировала из Бессарабии в Россию. Хотя Румыния сделала все, чтобы колонизовать эту часть, однако, румынское население до самого последнего времени составляло абсолютное меньшинство населения ее. Так, например, в 1897 г. в Измаильском уезде процент молдаванского населения был 39, украинского 19,5, великорусского 12,5 и болгарского 12,5. В Аккерманском уезде процент молдаванского населения был всего 16,3, тогда как процент украинского 26,7 и процент болгарского—21. Я и теперь не признаю прав царского правительства на эти уезды, но еще меньше их может иметь румынское правительство, если вообще можно говорить, что какое-нибудь государство имеет право на население, находящееся вне его границ. Только само население может располагать собой и, несомненно, с этой точки зрения захват этих трех округов царским правительством в 1878 г. являлся актом насилия. Однако, протесты румынского правительства против этого акта являются величайшим лицемерием. Уже в 1912 г., а именно в тех же речах, о которых теперь так много говорят, я указывал, ссылаясь на исторический материал, на переписку короля Карла Гогенцоллерна с его отцом Антоном, и на материал, имеющийся в истории Румынии проф. Ксенопуло, что отец

тория, и до отхода к Румынии и после возвращения ее в 1878 г. России, составляла один Измаильский уезд. Лишь во время пребывания под властью Румынии эта территория в административном отношении разделялась на три округа.

Братиано еще до русско-турецкой войны, будучи в Ливадии, сговорился с Александром II относительно судьбы южной Бессарабии. В стране, где существовало бы больше политической жизни, конечно, этот акт не прошел бы даром для правительства, но в Румынии, где политическая жизнь страны даже теперь, тем более в то время, сводилась к деятельности ничтожной верхушки господствующего класса, акт обратного присоединения Измаильского уезда к России прошел незаметно. Правда, в румынском парламенте была буря, но она была бурей в стакане воды. Она улеглась, как только Румыния получила компенсацию по ту сторону Дуная за счет Добруджи, при чем эта компенсация была по пространству больше, чем отошедшая территория.

На этом я должен немного остановиться, хотя и с риском нарушить анти-большевистскую идиллию господ Братиано и Цанкова.

В дебатах, которые имели место тогда в румынском парламенте по поводу Бессарабии и присоединения Добруджи, было сказано много такого, что теперь, вероятно, не очень приятно будет вспомнить румынским дипломатам. Передо мной имеется большая книга под характерным заглавием «Румынские свидетельства по вопросу о Добрудже». Здесь собраны речи румынских ораторов, резолюции румынского парламента и ряд статей, напечатанных в румынских газетах, где повсюду в один голос говорится, что Румыния не согласна отдать три бессарабских уезда обратно (три, как указано выше, по румынскому административному делению, а по русскому—один); что она не имеет никаких поползновений, даже если ей предложат, на территорию Добруджи, потому что Румыния не желает вести захватной политики, не хочет торговать «тремя бессарабскими уездами», ни за что не хочет брать Добруджи, которая географически, исторически и этнографически не имеет ничего общего с Румынией и которая только создаст вечную вражду между Румынией и Болгарией.

Сколько здесь хороших демократических слов, проникнутых самым благородным негодованием против всякой политики захвата! Вот, например, резолюция, принятая единогласно румынским сенатом 26 января 1878 г., а также в тот же день и румынской палатой депутатов: „Сенат (Палата Депутатов)

решает сохранить целостность страны и не допускать отчуждения ее территорий в какой-бы то ни было форме и в обмен на какие бы то ни было территориальные компенсации и возмещения». Сенатор Гика говорит при всеобщем одобрении: «считаю необходимым заявить, что мы не участвовали в войне для того, чтобы делать завоевания». Депутат Урекия, опять-таки среди всеобщего одобрения: «мы—не народ завоевателей; если мы вынули саблю за нашу независимость, мы не намерены грабить независимость других; мы не хотим создавать условий для возникновения бурь в нашем будущем, аннексируя земли, которые не являются нашими». Все румынские газеты большими жирными аншлагами печатали следующие два пункта, как своего рода Ганнибалову клятву: «Мы никакой ценой не желаем уступить хоть небольшую часть нашей земли; мы никоим образом не желаем принять, как возмещение, ни одного вершка земли, принадлежащей другим,.... мы не для того пошли освобождать поработанный веками народ, чтобы потом ограбить наследие его отцов. Румыны рассчитывают получить возмещение за свои жертвы в дружбе и доверии болгар, сербов и других народов по ту сторону Дуная, и это будет для них полным возмещением за те человеческие и материальные жертвы, которые они понесли. Не к захватам стремились румыны по ту сторону Дуная, а к завоеванию своей собственной независимости, они боролись за великое дело освобождения и укрепления балканских народов».

Вся эта лицемерная фразеология имела только одну цель—отхватить по возможности больший кусок по ту сторону Дуная. Но и то, что царское правительство тогда дало Румынии, а именно Добруджу, оказалось недостаточным. Поэтому, через 36 лет, в 1913 г., с помощью того же царского правительства и не расстреляв ни одного патрона, румыны захватили новый кусок болгарской территории, так называемый четырехугольник, в 6.000 квадратных километров, очень богатый, дававший одну треть доходов болгарской казны, имеющий 300 тысяч населения, из которых половина—болгары, половина—турки и татары и всего 5 тыс. румын. Так как теперь, в вопросе о Бессарабии, румынское правительство начинает весьма усердно оперировать историческими, этнографическими и всякими другими принципами, пусть будет позволено нам его спросить: а как обстоит дело с применением этих принципов к Добрудже, где Румыния получила двоекратную цену за южную Бессарабию? Ру-

мынские социал-демократы придерживались раньше той точки зрения, что новая Добруджа должна быть возвращена Болгарии. Что касается старой Добруджи, то вследствие того, что за последние полстолетия она сильно изменила свой характер, она не должна была быть предметом спора,—и то лишь при условии, что румынское правительство установило бы там полнейшее и реальное политическое равенство между всеми этническими элементами. Кроме того, как всегда, мы говорили о необходимости демократической республиканской федерации, которая должна была бы окончательно устранить всякие национальные конфликты. Но, очевидно, румынское правительство своей политикой желает выдвинуть другое решение вопроса, а именно, чтобы Добруджа,—и старая, и новая,—составила отдельное независимое государство, которое вошло бы, как независимый и равноправный участник, в будущую Балкано-Дунайскую федерацию.

Я боюсь, что здесь, как хорошие софисты, румынские дипломаты начнут оперировать другими аргументами: Добруджа была пустыней, мы истратили много денег, устроили мост через Дунай, создали порт в Констанце и вообще хорошо укрепились там: не за чем нам уходить оттуда.—*J'y suis, j'y reste*. Другими словами, они будут нам говорить то, что царское правительство могло бы сказать Румынии по поводу Бессарабии с гораздо большим правом. В применении принципов, этнических и других, румынские дипломаты походят на одного очень известного румынского комического персонажа из творений покойного знаменитого румынского драматурга Караджади. Идет речь о старом отставном чиновнике дяде Леонидо, который мечтает об осуществлении всех хороших принципов, жалеет о том, что Румыния не имеет своего национального героя Гарибальди, который мог бы создать в Румынии республику. Когда его жена, увлекаясь его политическим красноречием, спрашивает, в чем будут заключаться преимущества республики, он отвечает: «Никто не будет платить податей».—«А кто же будет платить нам тогда пенсию?»,—спрашивает старушка. «О, вопрос о пенсии—дело другое,—отвечает дядя Леонидо,—мы ее получаем на основании старого закона». Так и румынские дипломаты: на основании нового закона, провозглашенного Вильсоном о самоопределении национальностей, они хотят получить Бессарабию, на основании же старого закона сохраняют Добруджу и, оперируя достаточно удачно принци-

пами о географических, стратегических и экономических границах, захватывают всю Буковину, где румыны составляют всего одну треть населения, и захватывают из бывшего венгерского королевства территории, в которые входит только одних венгров больше двух миллионов. В результате всех этих аннексий получилось, что из всего населения теперешней Румынии (примерно, 18 миллионов) больше одной трети не являются румынами, даже если считать, что бессарабские молдаване стоят за присоединение к Румынии. Нет лучшего доказательства, как ссылка на этот факт, той истины, что Румыния преследовала во время империалистической войны и теперь преследует исключительно захватнические империалистические цели. К ней перешли все пороки и недостатки с треском провалившихся феодально-монархических правительств России и Австро-Венгрии.

Я уже указывал и в своих статьях в «Манчестер Гардиан» и в «Ероса», что мы вовсе не отрицаем того, что относительное большинство населения всей Бессарабии составляют молдаване. Румынские статистики, которые хотят подчинить статистику политическим целям румынского правительства, стараются доказать, что молдаванское население Бессарабии является и абсолютным большинством. Но даже если бы мы признали эту цифру, то и в таком случае тезис, поддерживаемый советским правительством в вопросе о Бессарабии, ничуть не может быть поколеблен. Так называемый этнографический принцип отнюдь не влечет за собой реального права, а лишь презумпцию (предположение). Что означает право, основанное на этнографическом принципе? Оно означает, что если данное население говорит на том же языке, что и население другой страны, имеется презумпция, что оно желает соединиться с ним вместе. Но желает ли оно на самом деле,—это нужно доказать. Таким образом, нужно доказать, не каково процентное отношение того или иного этнического элемента, а какова его воля. Принятие общности языка, как достаточного основания, могло бы, поскольку на него опирались бы, привести к самому возмутительному произволу. Известно, что большинство швейцарского населения говорит по-немецки, а другая часть по-французски. Однако, кому пришло бы в голову считать, что немецкие швейцарские кантоны должны присоединиться к Германии, а французские—к Франции? Таких примеров можно было бы привести еще много.

Таким образом, перед нами стоит вопрос не о том, какой процент молдаван населяет Бессарабию, а о том, каковы желания их и каково отношение этих молдаван к румынскому королевству. Об этом будет идти речь ниже, когда мы будем говорить о пресловутом Сфатул Церии и о том, каким образом была аннексирована Бессарабия, а здесь я хотел бы немного проанализировать цифры населения Бессарабии, и, с другой стороны, проследить, как создавалось бессарабское население.

Если даже предположить, что в 1812 г., когда и самой Румынии еще не существовало, все население Бессарабии сплошь было за создание такого румынского государства и за свое присоединение к нему, то за эти больше чем сто лет, в течение которых население увеличилось в тринадцать раз, много изменений произошло и в его внутренней структуре. Каким образом происходило формирование этого населения?

Прежде всего, что касается распределения населения географически, то его можно разделить на три зоны: южную, среднюю и северную. В южных уездах, Измаильском, Аккерманском и Бендерском, молдаване составляют безусловное меньшинство, при чем в Аккерманском уезде всего 16,8 процента, как было отмечено выше. В северном уезде, в Хотинском, они также составляют меньшинство, всего 23%, тогда как украинцы здесь составляют 53%. Наоборот, в четырех средних уездах, Оргеевском, Кишиневском, Белецком и Сорокском молдаване составляют большинство населения, от 62—70%. Это—на основании русской статистики. В общем, по статистике 1897 г., молдаване составляли в Бессарабии 47,6%, украинцы 19,6%, великоруссы 8,1%, евреи 11,8%, болгары 5,2% и немцы 3,1%. Румынские националисты уверяют, однако, что русская статистика уменьшила пропорцию молдаван. Наоборот, известный украинский ученый, профессор Рудницкий, со своей стороны, уверяет, что русское правительство, которое отнюдь не опасалось молдаван, а вело борьбу против украинцев, записывало многих украинцев молдаванами. Мы не знаем, насколько то или другое из этих утверждений соответствует истине, но, как один пример националистического творчества, можно привести утверждение румынского проф. Драгическо, что в Хотинском уезде живут 80% молдаван, тогда как по официальным статистикам 1897 г. их всего 23,8%; однако если к ним прибавить всех украинцев, тогда, действительно, полу-

чится 80%, ибо,—что Хотинский уезд, действительно, украинский, известно всем. Но мы не возражали бы и против того, чтоб он оказался действительно румынским. Это нам дало бы еще лучшее доказательство того, что бессарабские молдаване ненавидят румынскую власть, ибо в этом Хотинском уезде в 1919 г. вспыхнуло против румынских властей поголовное восстание всех крестьян, и неоспоримым документом этой эпохи является составленный членом английской военной миссии лейтенантом Мак-Лареном протокол, о котором будет идти речь ниже. Что касается населения Бессарабии, я скорее склонен принять за верную ту цифру, которую дает Британская Энциклопедия, а именно, что половину населения Бессарабии составляют молдаване.

Однако, гораздо важнее, чем вся эта статистическая казуистика, сама история заселения Бессарабии. Каким образом румыны появились в Бессарабии, и не только появились там, но и зашли за Днестр, посылая отростки вплоть до Буга, где теперь основана Молдавская Советская Республика? Румынская эмиграция как в Бессарабии, так и на Балканском полуострове, в Сербии, Болгарии имеет одно объяснение, на котором сходятся все румынские историки: грабеж и гнет, которым подвергались румынские крестьяне и в Молдавии, и в Валахии, были такими жестокими, постыдными, непомерными, что румынские крестьяне для того, чтобы спастись от своих помещиков, поголовно эмигрировали во все окрестные страны. Когда румынские помещики очутились без крестьян, то для того, чтобы привлечь рабочую силу в Валахию и Молдавию, они стали давать некоторые привилегии эмигрантам, и получилась встречная волна болгар и сербов, которые в Валахии и даже в Молдавии составляют громадные оазисы—иногда большинства населения округов. Это все население, конечно, румынскими статистиками выдается за румын, хотя возле самого Бухареста имеются деревни, где говорят только по-болгарски. Конечно, многие из этих переселенцев забыли свой язык и стали румынами. Масса украинских и русских крестьян, в стремлении к заработку или преследуемые русским правительством, в частности, сектанты, населили теперешнюю северную Добруджу. Поэтому можно было бы сказать, что устье Дуная с двух сторон, северная Добруджа и южная Бессарабия и Молдавия населены сплошным украинским и русским населением. Теперь

те же самые помещики и их сыновья и преемники, отцы которых угнетали румынских крестьян, выслевшихся в Бессарабию, хотят их получить обратно и говорят: «вот, крестьяне бежали от нас, теперь нам удалось их захватить в пределы нашего государства». Но уже давно закон запрещает возвращать рабов, бежавших от своих хозяев. Ненависть к румынам с тех пор осталась глубоко в психологии всего молдавского населения Бессарабии.

Но Бессарабия колонизовалась не только молдаванами. Чтобы заселить эту богатую, но пустынную страну, русское правительство предоставляло льготы всем колонистам. Поэтому в Бессарабию хлынула из Добруджи и даже из более отдаленных концов Болгарии масса болгарских крестьян, теснимых гонениями турецкой администрации и турецких помещиков, а также украинцы и русские, для которых жизнь на Украине стала нестерпимой. Вот каким образом создавалось население Бессарабии. Конечно, там было и коренное население, остатки славян, населявших Бессарабию еще в 6-ом столетии, остатки первых римских колонистов, а также и остатки татарского и турецкого владычества. С точки зрения этнографической Бессарабия является целой мозаикой, но и по своему географическому положению и по особым условиям труда она представляет единое целое, и как природой, так и историей ей суждено жить своей собственной независимой жизнью, не будучи подчиненной ни бездарной воровской румынской администрации, ни какому-нибудь другому государству.

Каким образом была аннексирована Бессарабия?

Г-да Лаговари и Титулеско имеют смелость утверждать, что бессарабский народ сам добровольно присоединился к румынскому королевству. Достаточно, однако, привести те быстрые метаморфозы, которые происходили в течение нескольких месяцев в Бессарабии, чтобы понять, что здесь ни о какой воле населения не может быть речи, а что мы имеем дело с комедией, актеры которой были марионетками в руках румынского правительства.

Второго декабря 1917 г. так называемый Сфатул Церий объявляет Бессарабию Молдавской демократической республикой, входящей, как полноправный член, в «Российскую Федеративную Демократическую Республику». Уже 24 января 1918 г.,

т.-е. меньше, чем через два месяца, эта республика делается «Независимой Свободной Национальной Молдавской Республикой». В марте того же года, т.-е. опять-таки, еще меньше, чем через два месяца, эта самая «Независимая и Свободная Республика» решает упразднить свою «независимость» и «свободу» и отдается в руки румынского правительства, объявляет о своем присоединении к румынскому королевству. Однако, она еще сохраняет свою автономию в пределах румынского королевства. Это — последняя дань, которую лицемерие жалких вождей Сфатул Церия платит бессарабскому народу. Через несколько месяцев, в ноябре того же года, в ночном заседании, на котором присутствовало не больше одной четверти всех депутатов, Сфатул Церий великодушно отказался и от этих последних остатков «Независимой и Свободной Молдавской Республики» и объявил себя распущенным! Редкий в истории пример, когда учреждение, которое было создано для того, чтобы отстаивать права страны, с такой быстротой и с такой легкостью отказалось от этих прав.

Румынские политики и румынские дипломаты любят ссылаться на Сфатул Церий, когда нужно бросить пыль в глаза иностранцам и когда им нужно замаскировать насильственный захват Бессарабии принципом самоопределения. Когда же они остаются дома и начинают между собой говорить, каким образом Бессарабия была присоединена к Румынии, они с редкой циничностью сами начинают хвастать, что, еслиб они не послали в Бессарабию военные силы и не приняли бы целого ряда насильственных мер, Бессарабия не была бы до сих пор румынской.

Много поучительного в этом отношении дают протоколы заседания румынского парламента конца октября 1922 года. Так как каждая из румынских партий хотела приписать себе честь присоединения Бессарабии к Румынии, то их представители в своей словесной дуэли взаимно выдали себя с головой. Бессарабский депутат Халиппа обвиняет министра Братиано в том, что дело присоединения Бессарабии к Румынии, согласно заявлению последнего, было выиграно румынскими войсками. Один из министров, Сассу, заявляет, что, нужно слова председателя совета министров Братиану понимать так, что румынская армия лишь «обеспечила» исполнение этого великого исторического акта и что румынское правительство послало армию лишь для того, чтобы «оградить» Сфатул Церий от всякого внешнего вли-

яния! Депутат Халиппа хвастает, что он и его друзья отправились в Яссы, чтобы требовать прибытия румынских войск. В то же самое время он обвиняет бывшего председателя Сфатул Церия, Инкульца, а теперь министра по бессарабским делам в кабинете Братиано *), что тот был против присылки румынских войск. Когда же румынские войска ворвались в Бессарабию, Инкулец отправился к генералу Броштяну, коменданту румынских войск, и сделал ему следующее заявление: „Румынская армия должна уйти из Бессарабии. Правительство Бессарабии не требовало румынских войск. Если вы не уступите, то случится великое несчастье». Оно заключалось в том, по словам депутата Халиппа, что так как молдавские войска, т.-е. войска Бессарабской Республики, не хотели допустить румын, то они стали обстреливать артиллерией прибывшие румынские отряды в окрестностях Кишинёва. Артиллерийский бой продолжался в течение всей ночи. На вопрос другого правительственного бессарабского депутата, друга Инкульца,—кто стрелял в румынские войска, молдавские солдаты или большевики,—Халиппа отвечает: «В румынскую армию стреляли отряды, находившиеся под вашей командой».

Картина будет полной, если, с другой стороны, мы скажем, что по случаю пятилетия присоединения Бессарабии к Румынии председатель совета министров румынского правительства в 1918 г., известный германofil Маргиломан, посаженный у власти немцами, заявил, что он должен был прибегнуть к угрозам и насилям для того, чтобы заставить вождей Сфатул Церия согласиться на присоединение Бессарабии к Румынии.

Эти факты, раскрытые в румынском парламенте, достаточно убедительно доказывают, что утверждение, будто в Бессарабии было какое-то свободное изъвление воли населения, является наглой ложью, потому что это все опровергается свидетельскими показаниями румынских депутатов и министров всех партий. Помимо этого, я уже заметил в своем ответе г-ну Титулеско в «Манчестер Гардиан», что Сфатул Церий совершенно не был компетентен решать вопрос относительно

*) Как, впрочем, и во всех предшествующих кабинетах: Инкулец не брезгует ни консерваторами, ни либералами, ни германoфилами, ни франкофилами, ни маргиломанами, ни Братиану,—быть бы только министром.

присоединения Бессарабии к Румынии, и это не только потому, что Сфатул Церий был не выборным учреждением, а созданным сверху, что в нем бессарабскому крестьянству, представляющему 90% населения, было предоставлено всего одна пятая часть мест, но еще и потому, что Сфатул Церий сам вынес постановление, что вопросы, касающиеся судьбы территории Бессарабии, должны решаться только народным референдумом. Этот пункт, между прочим, фигурировал в том проекте конституции, который был выработан созданной Сфатул Церием комиссией. Сам на себя Сфатул Церий смотрел, как на временную организацию, которая должна была функционировать до созыва учредительного собрания Молдавской республики на основании всеобщего избирательного права. Только за учредительным собранием признавалось право «установить конституцию страны и ее союзные отношения к другим государствам, если того потребует благо народов Молдавской республики». Я подчеркнул нарочно это слово «народов», потому что оно показывает, что даже Сфатул Церий не мог отрицать, что на территории Бессарабии живёт не один народ, а несколько народов, за которыми признавалось равноправие. Это постановление Сфатул Церия известно всем. Его, между прочим, не отрицает и г-н Титулеско, только он с изумительной наивностью говорит, что постановление Сфатул Церия имело в виду оградить Бессарабию не от присоединения к Румынии, а от присоединения к Украине, но этим он, вместо того, чтобы извинить Сфатул Церий, усугубляет его предательскую роль, подтверждая таким образом, что, когда Сфатул Церий об'являл Бессарабию «Свободной и Независимой Республикой», он только надувал народ в Бессарабии.

Нам в мельчайших подробностях известна история захвата Бессарабии. Не нужно забывать, что у нас в руках находятся все архивы румынского правительства и, в частности, архивы Братиано, и все архивы как старого царского правительства, так и временного правительства. Кроме того, у нас в руках находится громадный дипломатический и исторический материал с 1918 года, и мы можем шаг за шагом проследить происки румынского правительства, а также и происки темных героев бессарабского присоединения, находившихся у него на службе. Имеются две телеграммы от русских посланников в Бухаресте и в Риме, относящиеся к августу и сентябрю 1914 года,

в которых вполне определенно говорится, что Румыния пробовала обратиться через итальянское правительство, которое, однако, не согласилось передать эту просьбу, чтобы за «благожелательный нейтралитет» Румынии ей были даны «три бессарабских уезда», которые были присоединены к России в 1878 г. После этого в течение двух лет, как известно, Румыния занималась «благородным» шантажированием двух воюющих групп и следила, какая из них может победить и за счет какой можно нажиться. Когда она решила присоединиться к группе Антанты, вопрос о Бессарабии был снят. В это время даже в румынских газетах и в румынском парламенте румынские националисты отрицали вообще румынский характер Бессарабии, а относительно других стран, поработанных русским царизмом, как, например, относительно Украины, известный румынский проф. Николай Йорга заявлял, что он об Украине слышал в первый раз. Это было время руссофильства, когда русское самодержавие изображалось в румынских газетах, как своего рода демократический строй. Но когда, после русской революции, Румыния опять начала думать, что победа склоняется на сторону центральных держав, она опять начала не только мечтательно устремлять взоры на Бессарабию, но и практически готовиться к ее захвату. Разведка временного правительства довела до его сведения о попытках румын столкнуться с немцами и о том, что для этой цели, при отступлении из Бухареста, там, с предварительного согласия Братиано, остались все вожди германофильской партии, а также об отправке из Румынии агентов для проведения румынской агитации в Бессарабии. Уже в июне 1917 г. министр иностранных дел временного правительства Терещенко требует от русского посланника в Яссах точных сведений о группе лиц, выехавших из Румынии с целью вести в Бессарабии агитацию в пользу отделения этой области от России.

Здесь в истории всплывает одна авантюристская личность, некий Катареу, как организатор румынской агитации в Бессарабии, которому впоследствии удалось стать даже начальником кишиневского гарнизона. Говорят, что это лицо расстреляно румынскими властями, так как румынское правительство хотело скрыть, каким образом оно действовало в Бессарабии. Но из архива г-на Братиано мы имеем целую папку интересных документов, указывающих на то обстоятельство,

что этот самый Катареу, русский дезертир, являлся агентом румынской охранки и что он уже был использован румынским правительством в 1913 году для устройства анархических покушений в Венгрии, в результате которых были жертвы; между прочим, пал убитым дебечинский епископ. Фотографии этих документов были напечатаны в украинской «Красной Книге», вышедшей и на французском языке, под заглавием «Советская Украина». Там имеется, между прочим, и письмо г-на Лаговари (не он ли теперь является румынским полномочным министром в Риме?), в котором он подробно излагает Братиано из Парижа, (где Лаговари тогда был полномочным румынским министром), те юридические советы, которые он получил от французских юрисконсультов и которые должны были выручить Братиано, в случае, если бы Катареу был арестован венгерскими агентами на румынской территории (Братиано обещал австро-венгерскому послу в Бухаресте Чернину не мешать аресту Катареу агентами венгерской охранки).

Я думаю, этого факта достаточно для того, чтобы характеризовать, каким образом румынское правительство организовало «свободное волеизъявление» бессарабского населения. Разве не издевательством является тот факт, что решение, принятое Сфатул Церием при наличии румынской военной оккупации в Бессарабии, представляют, как акт, «свободный» от чужого влияния? Правда, румынские генералы, занимая Бессарабию, торжественно заявили, что они отнюдь не думают оставаться там и что, как только будет восстановлен порядок, румынские войска будут выведены. Правда, то же самое писали даже в документе, отправленном Советскому правительству, представители союзных держав в Яссах. То же самое заявили представители Сфатул Церия. Но это все было ложью. Как нагло они лгали, можно судить по воззванию к гражданам, подписанному Инкульцом, председателем Сфатул Церия. Как документ полного извращения действительных фактов, это воззвание является, несомненно, образцовым. Мы приведем некоторые из его пунктов:

«Двенадцатого января утром для выяснения вопроса о вступлении румынских войск была командирована в Яссы делегация Сфатул Церия, крестьянского комитета, молдавского комитета матросов и молдавских войск. Делегация доехала до Калараша (пограничный пункт) и установила следующее:

1. Среди вступающих войск есть румынские и украинские части как среди солдат, так и среди командования.

2. Войск очень много, и они хорошо снабжены артиллерией и аэропланами.

3. Наступающие румыно-украинские войска, по заявлению командования, имеют целью исключительно охрану железных дорог, необходимых для русских, румынских и украинских войск, стоящих на фронте, и охрану складов и транспортов провианта, закупленного в пределах Бессарабии.

4. Во внутренние дела Бессарабии вмешиваться не будут, при чем невмешательство гарантировано Францией и другими союзниками.

5. Войска будут выведены и выводятся по мере того, как их будут заменять молдавские части.

6. Вопрос о вступлении румынских войск в Бессарабию решен русским, украинским и румынским командованием и союзниками. Слухи о том, что кто-то их призывал, ложны, и т. д.»

Конечно, этот документ является сплошной ложью. Ложь, что румынские войска шли только для охраны железных дорог; ложью было, что румыны не собирались вмешиваться во внутренние дела; ложью было, что якобы румынские войска уже начинают выводиться и будут выведены; ложью, наконец, было, что Инкулец и другие не приглашали румынских войск. Но вся эта ложь была необходима для того, чтобы обманывать молдавское крестьянское население, которое ненавидело и ненавидит румын. Поэтому и румынские генералы должны были все время успокаивать население. Генерал Презан, один из командующих войсками, делал такие заявления: «Не верьте лжи, что мы явились вас захватывать». Кто лгал,—показали все последующие события.

Вот что писал генерал Презан в первом изданном им воззвании в период оккупации:

«Распускаются слухи, что румыны пришли для того, чтобы завладеть вашей страной, отобрать ваши земли и ни о чем другом не думают, как вернуть вам старых ваших правителей, чтобы они отобрали у вас ваши национальные и политические права, приобретенные революцией. Нет у нас такой миссии. Как могли вы поверить, что румынский солдат, великодушным своего короля и правительства увеличивший свой кусок,

—что именно он пришел бы в страну своих братьев для того, чтобы помешать им осуществить свои права? Объявляю вам во всеуслышание, что румынские войска не желают ничего другого, как только установить порядок и спокойствие, которые они вносят своим пребыванием, дать вам возможность осуществить вашу автономию и вашу свободу, как вы сами решите. Румынские войска не обидят ни одного жителя, к какой бы национальности или религии он ни принадлежал. Немедленно по установлении порядка и спокойствия и как только будет гарантия, что грабежи и убийства не возобновятся, войска Румынии возвратятся к себе домой».

В другом воззвании начальник 1-й румынской кавалерийской дивизии, генерал Скина, говорит:

«С прискорбием я замечаю, что далеко не все лица верят воззванию, выпущенному за подписью нашего военного командования, обнародованному со вступлением румынских войск на территорию Бессарабии. Наш приход к вам есть исполнение христианского долга. Во исполнение моей миссии, миссии миротворческой, для установления свободы, равенства и братства, я надеюсь на всеобщую помощь. Граждане! Во имя нашей святой православной веры, во имя свободы, во имя революции, которая свергла самодержавие, в течение столетий попиравшее вас каблуком, я заклинаю вас более не слушать голоса преступников, которые ведут вас к гибели».

Румынские генералы прекрасно сознавали непопулярность румынского правительства в Бессарабии; поэтому они должны были прибегнуть к самому наглому обману и укрываться за спиной русской революции, завоевания которой, якобы, они пришли защищать.

Так или иначе, но для усыпления чувства негодования и протеста бессарабского населения румынские генералы и румынские агенты систематически распространяли вести о том, что их пребывание в Бессарабии временное. На всех заборах городов и деревень Бессарабии было расклеено, между прочим, следующее объявление, которое дополняет коллекцию мошеннических документов:

«Мы пришли сюда исключительно с целью охраны наших продовольственных складов и магазинов, охраны железнодорожных путей и нисколько не желаем вмешиваться в ваши внутренние дела».

К каким способам прибегали румынские власти, чтобы насиловать волю даже этого жалкого Сфатул Церия, показывает протест депутатов Сфатул Церия, под которым подписались представители всех национальных группировок Бессарабии, включая и представителей молдаванской крестьянской партии. Этот документ начинается словами: «Мы, нижеподписавшиеся депутаты Сфатул Церия, с целью раскрыть неслыханные и возмутительные мошенничества, насилия и фальсификации, составили следующий акт». В этом акте подробно описывается, каким образом в ночь с 25 на 26 ноября 1918 г. была похоронена автономия Бессарабии, был объявлен распущенным Сфатул Церий, и Бессарабия была «безоговорочно» присоединена к Румынии.

Это заседание Сфатул Церия было созвано депутатами, участвовавшими в так называемом молдаванском блоке и являвшимися агентами румынского правительства. Другие депутаты даже не были предупреждены о заседании. Некоторые из них случайно узнали, всего за два часа до открытия заседания, что оно должно состояться, но не имели ни малейшего представления о том, что должно было решаться на этом заседании. Поэтому из 202 депутатов Сфатул Церия на заседании присутствовало всего 54 человека. Таким образом, не было даже кворума, необходимого для того, чтобы постановления Сфатул Церия имели легальный характер. И вот, на этом заседании, в 2¹/₂ часа утра, председатель Сфатул Церия г-н Халиппа, без всякого предварительного предупреждения, прочел резолюцию, постановляющую инкорпорирование Бессарабии, полное присоединение ее к Румынии и упразднение бессарабской автономии. В этот момент в зале заседания было всего 46 депутатов. «Кто против, кто воздерживается?» — спросил Халиппа и, не ожидая ответа, заявил:—«Принято единогласно».

Присутствовавшие депутаты крестьянской фракции заявили протест и просили слова для прочтения декларации. Слова им не было дано. В этот момент генерал Войтояну, предупрежденный по телефону, прибыл в зал заседания и от имени короля прочел приказ, в силу которого Сфатул Церий объявлялся распущенным. Это имело место в половине шестого утра.

И после этого убийственного документа, который имеет на себе подписи самых видных деятелей Бессарабии, в том числе и молдаван, и копия которого с оригинальными подписями находится у нас, румынские дипломаты имеют еще дерзость гово-

речь о свободном волеизъявлении бессарабского населения! Но это не единственный документ той эпохи. В наших руках находится копия, также с оригинальными подписями, другого меморандума депутатов бессарабского Сфатул Церия, протестовавших против мер, предпринятых румынской администрацией после занятия Бессарабии и находившихся в полном противоречии с многократными обещаниями румынского правительства. Под этим документом фигурируют подписи людей, которые потом были депутатами и сенаторами в румынском парламенте. Хотя румынское правительство успело их впоследствии приручить своими обычными средствами—запугиваниями или подкупками,—подписанный ими документ сохраняет и поныне свое значение, как доказательство насилия, совершенного румынами над Бессарабией.

Каково было тогдашнее настроение Бессарабии, свидетельствуют, между прочим, те газетки, которые румынское правительство начало издавать, чтобы вести пропаганду в Бессарабии. Между прочим, газета румынских трансильванцев «Ардялул» в номере от 13 января говорит, что молдаване идут вместе с большевиками. Та же самая газета указывает, что когда румыны, еще во время рождественских праздников в декабре 1917 года (на самом деле это было 6 января ст. стиля 1918 года), пробовали отправить маленькие воинские части, чтобы занять Кишинев, они наткнулись на сопротивление молдаванских военных частей, в результате чего последние разоружили румын, но потом румыны за себя отомстили, обстреляв Кишинев с аэропланов, в результате чего было убито несколько человек на кишиневской площади.

Сфатул Церий для того, чтобы успокоить население, издал целый ряд постановлений, из которых характерны два: во-первых, что он не будет вмешиваться в борьбу между румынами и большевиками, и, во-вторых, что никакие военные суды недопустимы на территории Бессарабии. Однако, как только храбрые румынские генералы очутились хозяевами почти беззащитной страны, они с первого же дня водворили жесточайший террор. Прежде всего, они стали мстить крестьянам. 21-го января в Кишиневе собрался крестьянский съезд всей Бессарабии. Так как еще на своем первом заседании он протестовал против занятия Бессарабии румынскими войсками, генерал Броцианов распорядился арестовать и расстрелять немедленно председателя

крестьянского съезда Рудьева. На другой день были арестованы и расстреляны Чумаченко, товарищ министра земледелия бессарабской республики, Прахницкий, товарищ военного министра, Панцырь, также член правительства, Катарос (не смешивать последнего с провокатором Катареу). Все они были членами президиума крестьянского съезда. Вышеупомянутая газета румынского правительства «Ардялул», сообщая об этих фактах, говорит, что расстрелянные получили по заслугам, так как они протестовали против пришествия румынских войск. Немедленно румынское военное начальство начало приводить под присягу верности румынскому королю армии «свободной и независимой молдаванской республики». Семнадцать солдат молдаван, отказавшихся сделать это, были немедленно расстреляны. В короткое время по всей Бессарабии воцарился неудержимый террор: грабежи, избиения, расстрелы, бросание в Днестр. Вот что принесла румынская оккупация Бессарабии с первого же момента. У нас имеется колоссальный материал из самых разнообразных источников, где описаны все действия румынской власти. У нас имеется и румынский официальный материал румынских административных властей.

Сам Сфатул Церий был подвергнут террору. Когда голосовалось присоединение Бессарабии к Румынии 27 марта, не только вокруг на улицах, но и внутри, в самом зале заседания Сфатул Церия, под видом, якобы, почетной стражи находились румынские войска. Над городом летали румынские аэропланы. Сам Маргиломан присутствовал в Кишиневе для того, чтобы руководить этой полицейско-военной экспедицией. И вот это решение Сфатул Церия называется свободным волеизъявлением населения!

Румынская оккупация.

Выше я описал картину этой оккупации, которая ничем не отличается от худших видов оккупаций, совершаемых хищническими государствами над завоеванными народами. Не мешает, однако, привести здесь некоторые факты из румынской военной и административной практики за период насаждения румынской «цивилизации» в Бессарабии.

Нечего и говорить, что первым делом румынских властей, занявших Бессарабию, было возвращение отнятых у крестьян

земель помещикам. На ряду с водворением помещиков, румыны стали усиленно насаждать и свою военную и гражданскую администрацию. Не было оставлено неиспользованным ни одно из средств террора, чтобы заставить бессарабское население подчиниться этой администрации. Были введены принудительные работы для населения от 16 до 70 лет, силой принуждали всех говорить по-румынски, ввели в практику применение розог, кнута, виселиц и расстрелов. Розги, кнут, средневековые пытки, виселицы и расстрелы знаменовали собою новую «цивилизацию». На ряду с этим царил неслыханный, безудержный грабёж.

Я беру случайно первое попавшееся сообщение об отношении румынских офицеров к отданным в их бесконтрольную власть бессарабцам, подвергавшимся всем ужасам средневековья. «Жаловаться некому, да и бесполезно. Порка стала обычным явлением; производится она тут же, на месте, без суда и следствия и дозируется, смотря по преступлению от 5 до 100 ударов. Непоклонившихся румынскому офицеру наказывали 25 ударами. В Сороках румынской комендатурой был издан приказ о том, чтобы ежедневно, от 5 до 7 часов вечера, все граждане города выходили гулять на главную улицу. Ослушники подвергались аресту и наказанию. Женщины и девушки не только не были застрахованы от жестокой расправы, но рисковали ею в еще большей степени, чем мужчины. Однажды на этой официальной прогулке румынскому донжуану приглянулась еврейская девушка. На ее беду, она ответила нахалу отказом. Тот распорядился тотчас же арестовать девушку и выпороть... Отец одного арестованного молодого человека, старый почтенный еврей, отправился с ходатайством к коменданту. Он попал туда во время оргии румынских офицеров. Комендант приказал раздеть его до-нага и плетью заставить плясать...»

А вот что происходило в деревне: «В деревнях положение еще хуже. Везде на площадях построены виселицы. Помещикам возвращены все земли, и всё захваченное крестьянами имущество возвращают и восстанавливают сожженные постройки. Кроме того, деревни обложены контрибуцией в пользу помещиков, по определению последних, за понесенные убытки. В Сорокском уезде введена барщина 3 дня в неделю, и жандармы сгоняют население на нее нагайками».

В моих руках находится официальный документ, за подписью префекта Измаильского уезда Думбрау, помеченный

16-м июня 1918 г. На трех страницах он жалуется бессарабскому директору внутренних дел на систематический и открытый грабеж, которому подвергаются крестьяне, приносящие свои продукты на измаильский базар. Офицеры и солдаты забирают у них продукты, не уплачивая ни одной копейки. Если кто-нибудь из крестьян протестует, то он тут же на месте подвергается избиению. Доклад кончается следующим характерным заявлением: «К изложенному присовокупляю, что если бы я был врагом присоединения Бессарабии к Румынии, то я только радовался бы тому, как большинство военных властей в корне убивают идею объединения».

Один из деятелей присоединения, старейший депутат Сфатул Церия, Александри, когда-то толстовец, а ныне сенатор румынского короля, заявил летом 1918 года в речи на собрании, отчет о котором попал в газеты, что для руссификации Бессарабии румынские власти в течение шести месяцев сделали больше, чем царское правительство за 100 лет. И это говорил ярый румынофил!

В эту эпоху 1918 г. печальной славой покрыли свои имена два румынских офицера Димитриу и Изворану. Эти имена символизируют румынскую администрацию, и на их подвигах следует остановиться.

Димитриу прославился в Хотинском уезде. Вот один из его приказов, расклеенный на улицах в местечке Единце, в северной Бессарабии.

«Румынские офицеры должны приветствоваться населением местности Единец следующим образом:

1) Каждый приветствующий должен остановиться на месте лицом к начальнику и быстро, с бравой улыбкой на лице, должен снять шапку и поклониться до самой земли. 2) Для обучения населения точному исполнению настоящего приказа в разные часы дня моя фуражка коменданта будет прогуливаться на палке по местечку, и все обязаны будут ее приветствовать, согласно первого пункта этого приказа. Комендант гарнизона местности Единец капитан Димитриу, начальник полиции Элевтереску, за председателя правления Вульпя, за секретаря (подпись не разборчива)».

Капитаном Димитриу за более важные проступки была введена смертная казнь, для прочих же провинностей установлено было одно наказание—розга. Можно себе представить,

каковы другие подвиги Димитриу и его помощника Элевтереску.

Что касается офицера Изворану, настоящего садиста, его подвиги приняли такой характер, что румынское правительство должно было его отозвать. По приблизительным подсчетам, этот герой расстрелял и потопил в Днестре около 500 жителей Бендер и Кишинева, из которых около 200 человек железнодорожников г. Бендеры.

Было бы иллюзией думать, что теперешняя румынская администрация в Бессарабии значительно отличается от той, которая там свирепствовала еще в 1918 г. В данный момент в Румынии предстоит процесс капитана Морареску, которому вменяется в вину, что он убил с целью грабежа не меньше 30 человек, а по другим данным—до 50, среди которых были женщины и дети. Подавляющее большинство убитых являлось беженцами, переходившими через границу из Украины в Бессарабию. Этот румынский военный Ландрю в офицерской форме оперировал в течение двух лет при сочувственном отношении высшей администрации, которая видела в этом способ спасения Румынии от большевистской заразы. Потребовалось вмешательство иностранных обществ, чтобы румынское правительство распорядилось об аресте этого изверга. Однако, никто не сомневается в том, что он будет оправдан румынским военным судом, как был оправдан полковник Стере, убивший Рошаля в декабре 1918 г. и трех одесских купцов и с ними одного ребенка еще летом 1917 г., потому что их подозревали в шпионаже в пользу временного правительства. Ребенок был убит для того, чтобы скрыть следы преступления. Оправдание полковника Стере создало ему иммунитет; поэтому он не постеснился совсем недавно убить одного румынского крестьянина в окрестностях Ясс за то, что тот не остановился достаточно поспешно со своей повозкой, когда полковник Стере возвращался на автомобиле с охоты.

О подвигах румынской администрации за время оккупации имеется один документ, получивший международную огласку, ибо под этим документом фигурирует подпись члена английской военной миссии, 1-го лейтенанта британского флота Мак-Ларена. Этот документ относится к подавлению румынами хотинского (в северной Бессарабии) восстания, вспыхнувшего в начале января 1919 г. Дату необходимо отметить потому, что в этот период советская власть на Украине занимала лишь Харь-

ковскую и Донецкую губернии, и, следовательно, это восстание, явившееся стихийным протестом против безобразий различных Димитриу и Изворану, произошло без всякого внешнего воздействия. Акт, подписанный Мак-Лареном, ограничивается несколькими деревнями и, в первую очередь, деревней Недобоуцы, куда 10 января прибыл румынский отряд, отступавший из Хотина. Румынские солдаты начали с того, что стали поджигать дома в различных кварталах деревни. Всего было подожжено 8 домов, при чем жителям было запрещено тушить пожар. Одновременно румынские солдаты подвергли селение разграблению. Они уносили с собою деньги, носильное платье и, вообще, все, что можно было взять. Здесь же ими было расстреляно 53 крестьянина, список которых приложен к протоколу, среди них три женщины и один 12-летний мальчик. Кроме того, большое число крестьян было ранено и среди них две женщины. Для убийства жителей прибегали как к холодному, так и к огнестрельному оружию. Такие же поджоги и массовые убийства были совершены еще в деревнях Ставчаны, Долиняны, Шероуцы и др.

В этом протоколе приведено несколько отдельных случаев румынских зверств в деревне Недобоуцы. Так, напр., из семейства Батаманюков, состоявшего из 4-х чел., были убиты мать, 20-летняя дочь и 12-летний сын. 13-летняя девочка была ранена. Мальчик Никола Батаманюк был вытасчен из хаты и расстрелян здесь же во дворе. Илья Манюк, успевший в первый день откупить свою жизнь, дав солдатам 50 рублей, был на другой день вытасчен во двор и там изрублен солдатами, так что для того, чтобы его похоронить, нужно было собрать части его тела и положить в мешок. Теренций Старчук, 54 лет, был ранен пулей в живот в тот момент, когда открывал двери своей хаты, чтобы пойти навстречу солдатам, которые в это время стреляли со двора в его хату. Василий Софроняк, 56 лет, был убит выстрелом из винтовки в упор прямо в грудь после того, как он выдал солдату 40 рублей. Никита Заньковский был вытасчен из своей хаты и заколот штыками недалеко под деревом на глазах его семьи, несмотря на его слезы и на слезы его детей.

Это было совершено румынскими войсками в Недобоуцах и во многих других деревнях, когда они бежали от наступавших повстанцев. Можно по этому уже представить себе, каковы

были румынские зверства через несколько дней после того, как, подкрепленные целой армией, храбрецы стали наступать и теснить плохо вооруженных и неорганизованных повстанцев и расправляться с населением уже не на ходу, второпях, а с чувством, с толком, с расстановкой... Многими тысячами исчисляются жертвы этих страшных дней.

Дипломатическая сторона вопроса.

Свои юридические права на владение Бессарабией румынское правительство основывает на конвенции, заключенной в октябре 1920 года между Румынией и четырьмя великими державами—Англией, Францией, Италией и Японией, в силу которой Бессарабия была признана частью румынского королевства.

Дипломатия капиталистических государств любит часто ссылаться на международное право. Но, даже с точки зрения международного права, конвенция 1920 г. является актом, не имеющим себе прецедента. По международным договорам Бессарабия составляла часть Российской империи. Соглашения, заключенные между союзниками накануне и во время войны, взаимно гарантировали друг другу неприкосновенность их территорий. Союзники ни до, ни после революции формально войны России не объявляли, вследствие чего Бессарабия никак не могла считаться военной добычей. На каком же основании союзники распорядились Бессарабией? Она не являлась ни их собственной территорией, ни территорией, отвоеванной у противника. На Бессарабию Румыния имеет такие же права, какие Россия имеет, положим, на Ирландию, или на какую-нибудь французскую, итальянскую или японскую провинцию. Еще не было в истории такого случая, чтобы третьи страны распорядились территорией другого государства без его согласия. С точки зрения международного права, согласие данного государства на отторжение от него принадлежавшей ему ранее той или иной провинции является элементарным условием того, чтобы владение отторгнутой провинцией было законным. Это согласие может быть добровольным, может быть и вынужденным, но его наличие необходимо. Сами союзники по отношению к побежденной Германии применяли этот метод, а в Верхней Силезии они даже произвели плебисцит, раньше чем часть ее отошла к

Польше. Но наш Союз—даже не побежденная страна. С Россией, которая воевала вместе с союзниками и своими многочисленными жертвами спасла их от разгрома в первой стадии войны и, таким образом, предрешила уже тогда немецкое поражение, союзники поступили хуже, чем они поступили со своими врагами. Но моральную сторону вопроса я оставляю в стороне и ограничусь здесь чисто юридической его стороной.

Что касается самой конвенции, то она, построенная на фальшивых предпосылках, содержит в себе элементы, сводящие ее действие к нулю. Она совершенно неприменима,—на что нужно обратить особое внимание.

Конвенция начинается с того, что Бессарабия признается частью румынского королевства на том основании, что такова, будто бы, воля самого бессарабского населения. Но откуда союзникам известно, какова воля бессарабского населения? Никакого опроса, хотя бы для вида, они в Бессарабии не производили, никаких материалов не собирали. Наоборот, официально известные материалы, например, анкета Мак-Ларена, говорят как раз обратное. Им приходилось считаться исключительно с утверждениями румынского правительства, лживость которого является беспримерной.

В одном из пунктов этой чудовищной конвенции сказано, что новая граница между Румынией и Россией (т. е. с Украиной) будет определяться трехчленной международной комиссией, в которую войдут один представитель от Румынии, другой от государств, подписавших эту конвенцию, и, наконец, третий от России, который однако будет назначен Лигой Наций. Такое установление границ между двумя государствами, одно из которых фактически от этого устранено, не имеет себе прецедента в истории. Союзники оправдывали тогда свое постановление тем, что в момент, когда они заключали конвенцию, российское правительство не было признано. Всякому понятно, что теперь, после того как Советский Союз, являющийся преемником бывшей Российской империи, признан всеми государствами, подписавшими конвенцию, создание комиссии, которая должна хозяйничать на нашей границе без нашего участия, явилось бы дерзким вызовом, брошенным правительству Советского Союза. Таковую комиссию мы не постеснились бы немедленно арестовать, если бы она явилась на нашу территорию. Подобная комиссия является настолько абсурдной, что я уверен, что ни

одно из государств, подписавших конвенцию, не может согласиться на такой ее состав, каким он был определен конвенцией. Таким образом—конвенция неприменима.

Но есть еще другое обстоятельство, указывающее на то, что какова бы ни была по своему содержанию эта конвенция, она еще не вступила в законную силу. Конвенцией предусмотрено, что она вступает в законную силу лишь после того, как она будет ратификована парламентами государств, ее подписавших. До сих пор эта конвенция ратификована только парламентами Англии и Франции, при чем это произошло до момента признания нас этими двумя государствами. Это обстоятельство чрезвычайно важно, ибо ратификация такой конвенции, которая является нарушением самых элементарных международных прав, была бы невозможной после признания нас, ибо это было бы абсолютно несовместимо с каким бы то ни было добрососедским или дружественным дипломатическим отношением между СССР и подписавшими конвенцию государствами. Конвенцию не ратификовали еще Италия и Япония, и я считаю, что эта ратификация со стороны этих двух государств, вступивших теперь в нормальные дипломатические отношения с СССР, является абсолютно невозможной. Когда конвенция подписывалась, то, очевидно, предполагалось, что она должна быть ратификована в непродолжительном времени, и сама комиссия по определению границ, предусмотренная конвенцией, также должна была бы быть создана в скором времени. К счастью и для нас и для тех государств, которые заинтересованы в сохранении дружественных с нами отношений (я говорю об Италии и Японии), ратификация задержалась до того момента, когда она дипломатически, политически и морально стала невозможной.

Здесь же следует напомнить, что Соединенные Штаты не только не принимали участия в подписании этой конвенции, но и протестовали, в лице Вильсона, против нее.

Не лишена значения история подписания этой конвенции.

Румыния добивалась признания за нею Бессарабии со стороны союзников в течение 1918-го и 1919-го г.г., но без успеха. У меня на руках имеются протоколы комиссии по румынскому вопросу, заседавшей во время версальской конференции, которая продолжала потом функционировать при конференции союзных послов в Париже. Из этих протоколов видно, что

союзники сами признавали, что они совершают чудовищный акт, решая вопрос о Бессарабии без участия России.

В своей резолюции от 8-го февраля «румынская комиссия», т.-е. комиссия по румынскому вопросу, заявляет, что она не считает возможным принять решение, которое нарушило бы принцип полной территориальной неприкосновенности России, исключая случая с Польшей, независимость которой была признана самой Россией. Комиссия вообще отказалась рассматривать вопрос о Бессарабии, несмотря на все настояния румынского правительства и на все постановления пресловутого Сфатул Церия, которыми щеголяло румынское правительство. Это следует подчеркнуть. Мы имеем акт самих союзников, в котором они заявляют, что нельзя откалывать ту или иную провинцию от территории бывшей Российской империи без согласия ее правительства. Но румынское правительство продолжало нажимать на союзников всеми способами. 22-го марта та же самая «румынская комиссия» выносит снова постановление о Бессарабии. В этом постановлении она заявляет, что вопрос о румынских границах должен быть решен путем заключения сепаратных договоров между Румынией и всеми ее соседними государствами.

Французский профессор Эрнест Лагард, написавший одну из лучших книг об отношениях между Советским Союзом и союзниками, приводя это новое постановление румынской комиссии, пишет: «Тот факт, что комиссия считала необходимым, чтобы проект договора (о границах между Румынией и Россией) должен был быть представлен на подпись правительства самой России, показывает, что, по ее мнению, Бессарабия юридически не могла быть оторвана от России без данного в законной форме согласия последней». Но тем временем союзники решают приступить к активной интервенции в России. Кроме оказания поддержки Колчаку и Деникину, им необходимо было еще и содействие Румынии. Тогда в первый раз в официальном документе, отправленном Колчаку, они сообщают, что сохраняют за собой право решать вопрос о Бессарабии. Однако, ... еще не о всей Бессарабии. В 6-м п. этого документа буквально сказано:

«За мирной конференцией признано право решить судьбу румынских частей Бессарабии». Таким образом, в документе от 26-го мая 1919 г. союзники признали как то,

что в Бессарабии имеются целые части, являющиеся не румынскими, даже с точки зрения той фантастической этнографии, на которую ссылается румынское правительство, так и то, что судьба этих частей Бессарабии, т.-е. всей южной и северной Бессарабии, не может решаться без России.

Несколько недель спустя, 2-го июля, совет министров иностранных дел союзников, несмотря на большую речь, произнесенную перед ним Братиану, решает идти не по пути дальнейших уступок Румынии, а, наоборот, делает шаг назад и выносит постановление, которым считает невозможным принятие какого бы то ни было решения по поводу судьбы Бессарабии, в виду международного положения России. В конце октября 1920 г., однако, союзники, забыв все, что они говорили раньше, подписали конвенцию об аннексии Бессарабии Румынией.

В нашу задачу входит напомнить теперь обо всех колебаниях, которые они проявили при решении бессарабского вопроса. Колебания эти доказывают, что в этом случае союзники действовали, исходя не из каких-либо норм и международных договоров, а из самых грубых политических расчетов. Нам нужно напомнить им об этом еще и потому, что они очень часто упрекают нас в несоблюдении норм международного права, между тем вся политика Румынии в бессарабском вопросе является сплошным отрицанием всяких правовых норм. Союзникам нужно напомнить, что на них лежит ответственность не только за конвенцию, но и за поощрение румынского правительства на захват Бессарабии. Правда, они в официальных документах заявляли о временном характере аннексии Бессарабии. Так, например, барон Фашиотти, итальянский посланник и декан союзных представителей в Яссах, телеграфно сообщает союзным консулам в Одессе, что вторжение румынских войск в Бессарабию является временным и совершено в гуманитарных целях (что подтвердил и французский представитель в Кишиневе Саррэ, признавший бессарабскую республику лишь частью демократической федерации России). Но фактически в это время союзники, чтобы удержать Румынию в своем лагере, уже признали аннексию Бессарабии.

В этом отношении империалистическая политика союзников совпала с политикой германского империализма. Известно, что присоединение Бессарабии к Румынии произошло в то время, когда румынская политика, в лице германофила Маргилома-

на, ориентировалась на Германию. Румыния во время войны ловко использовала затруднения и той, и другой группы воюющих государств. Она, как говорится, «сосала двух маток». В течение двух лет с начала войны Румыния шантажировала союзников, ведя в то же самое время переговоры и с Германией, и вступила в войну только в тот момент, когда она рассчитывала на максимальные территориальные приобретения при минимальных жертвах.

Еще в первый месяц после вступления Румынии в войну стало ясно, что она явилась для союзников не подспорьем, а обузой, так как Россия, чтобы отстоять территорию Румынии, которую сама Румыния оказалась неспособной защищать, должна была удлинить свой юго-западный фронт с Карпатских гор до Черного моря, послать туда три армии и уложить свыше ста тысяч русских, украинских и других крестьян и рабочих. Но и в это время Румыния не переставала шантажировать союзников и угрожала им заключением сепаратного мира с немцами. С целью заключения сепаратного мира румынское правительство предприняло все необходимые меры еще до вступления Румынии в войну. Все вожди германофильской партии, во главе с Карпом и Маргиломаном, были оставлены в Бухаресте, тогда как Авереску со своим штабом отступил вместе с румынской армией в Яссы. Таким образом, предусмотрительная Румыния застраховала и перестраховала себя: кто бы ни победил, а Румыния все равно останется в выигрыше.

Никто так не радовался присоединению Бессарабии к Румынии, как германская националистическая партия. Агентство Вольфа стало официальным агентством румынского правительства. Через него румынское правительство опровергало всем известный и теперь неотрицаемый самим румынским правительством факт, что оно заключило в марте 1918 г. договор с советским правительством, в силу которого Румыния обязалась очистить Бессарабию в течение двух месяцев. Германия считала, что, способствуя Румынии занять Бессарабию, она привлечет ее в свой лагерь. Таким образом, и для союзников, и для самой Румынии дипломатическая история присоединения Бессарабии к Румынии является сплошным обвинительным актом против них, и в выигрышном положении находится не Румыния и союзники, а СССР.

Здесь мы должны напомнить о советско-румынском договоре, подписанном одновременно в Одессе и в Яссах генералом Авереску, в качестве председателя румынского правительства и министра иностранных дел, с одной стороны, и советскими дипломатическими, административными и военными представителями,—с другой. Когда румынские представители подписывали этот договор, они прекрасно знали и помнили и этнографию, и антропологию, и филологию, и, тем не менее, подписанием этого договора они признали, что у них на Бессарабию никаких прав нет.

Совершенно странным является то, что румынские дипломаты, чтобы доказать свои права на Бессарабию, ссылаются на мои речи и статьи 1898 и 1912 г.г., в которых, кроме протестов против насильственной политики русского правительства, они не могут усмотреть ни малейшего намека на то, что Бессарабия должна отойти к Румынии. Они также проходят мимо договора от 5-го марта 1918 г., который является не мнением частного лица, а торжественным актом румынского правительства, и в котором Румыния обязывалась в течение двух месяцев оттянуть свои силы из Бессарабии и соглашалась на то, что постепенно все освобождаемые от румынских войск участки Бессарабии должны быть заняты советскими войсками.

Недавно в итальянской печати было опубликовано интервью с генералом Авереску, в котором он, признавая этот договор, говорит, что переговоры были начаты им еще с Румчеродом и что нижеподписавшийся выступил на сцену в последний момент, явившись из Ленинграда с особыми инструкциями. Это не верно. Еще в начале января я вел переговоры. Но это не имеет значения. Важно то, что существование этого договора больше никем не отрицается. Между прочим, этот договор был предметом бурного обсуждения в румынском парламенте во времена германофильского правительства Маргиломана, и не раз румынские германофилы упрекали генерала Авереску за подписание в тот момент этого договора. Вот что говорил в начале июня 1918 года румынский министр иностранных дел Арион по поводу переговоров между генералом Авереску и мною: «Генерал Авереску затронул вопрос о Бессарабии. Я должен отметить, что в причинах совершённых политических ошибок повинны не мы, а он, генерал Авереску, который подписал с Раковским договор о Бессарабии. Все предложения Раковского

были приняты, эвакуация Бессарабии была решена подписью генерала Авереску, который возражал только против немедленного очищения Бендер. Генерал Авереску не желает присоединения Бессарабии потому, что он боится России. Этот страх перешел к нему от Братиану, но Россия никогда не возродится». Я ограничиваюсь этой цитатой. Она важна, так как из нее можно видеть, на каких расчетах строилась политика Румынии в вопросе о Бессарабии. Все те, которые думали, что присоединение Бессарабии пройдет безнаказанно,— не только германофилы, но и Авереску, и Братиану, и все прочие должны теперь убедиться, что они ошибались в своих расчетах. Россия, конечно, не царская, а рабоче-крестьянская, в виде мощного Советского Союза, возродилась гораздо раньше, чем удалось румынской администрации переменить все надписи над лавками в Бессарабии с русского на румынский язык.

Наша дипломатия не пропускала ни одного случая, чтобы сохранить за рабочими и крестьянами Советского Союза право интересоваться судьбой бессарабских рабочих и крестьян, с которыми их связывает вековая борьба за освобождение. Когда правительство Маргиломана об'явило всему миру о присоединении Бессарабии к Румынии, Народный Комиссариат Иностранных Дел РСФСР в короткой, но решительной ноте, отправленной «всем, всем», заявил, что, аннексируя Бессарабию, румынские помещики действуют без хозяина. Нота, указав каким образом, арестовывая и расстреливая подлинных представителей бессарабского населения, Румынии удалось провести постановление Сфатул Церия, кончается следующими словами: «Попытка выдать голосование бессарабских помещиков—этих вечных врагов бессарабского народа, опирающихся на покровительство румынских штыков,—за выражение воли бессарабских рабочих и крестьян лишена всякого легального международного основания. Насильственная аннексия Румынией Бессарабии не уничтожит единства и солидарности трудящихся масс Бессарабии и России». За этой нотой в течение 7-ми лет отсутствия дипломатических сношений между Румынией и Советским Союзом румынскому правительству были отправлены десятки других нот как со стороны РСФСР, так и со стороны Советской Украины, в которых подчеркивалась одна и та же основная мысль: права, которые Румыния присвоила себе по отношению к Бессарабии, являются чистой утратой.

Причины хотинского восстания.

(Обстановка хотинских событий).

Бессарабское студенчество в Вене в своем меморандуме*) указывает на некоторые причины восстания в Хотинском уезде.

Сообщаемые в этом документе факты настолько характерны для нравов румынской военной и гражданской администрации, что я считаю необходимым привести здесь некоторые отрывки из этого меморандума.

«Два события переполнили чашу страданий населения северной Бессарабии и явились непосредственной причиной открытого взрыва народного негодования,—так-называемого восстания хотинских крестьян. 25-го января 1919 года, два года спустя после начала оккупации**), третий взвод 8-го румынского полка устроил в небольшом городе Бричаны танцевальный вечер. Когда комендант города майор КонстантINESКУ узнал, что население не хочет принять участия в этом вечере, он приказал вечером патрулям солдат притащить жен и дочерей бричанских граждан на вечер, где при помощи кнута и револьвера вынудил свои жертвы танцевать с солдатами и агентами румынской полиции. Родители девушек, прибежавшие на вечер и в слезах умолявшие отпустить их детей, разогнаны были сабельными ударами. Поздно вечером девушки были приведены в квартиру капитана Димитреску (по улице Стефен-Чельмар), где были изнасилованы пьяными унтер-офицерами.

*) Представлен советской делегации во время советско-румынской конференции в марте 1924 года.

**) Авторы этого меморандума несколько неточно исчисляют этот срок. В январе 1919 года истек только первый год оккупации центральной и южной Бессарабии, со времени же оккупации хотинского уезда прошло лишь два с половиной месяца. Хотинский уезд был захвачен румынами лишь в ноябре 1918 года, после ухода занимавших его до того времени австрийских войск. Неправильно было бы также считать бричанские события причиной восстания, если эти события произошли 25 января 1919 г., ибо в этот момент восстание уже было подавлено. Оно началось 6 января, а 10 января румыны бежали из Хотина, но 21 января, разбив повстанцев, снова заняли Хотин и расстреляли там 500 жителей. Однако, эти неточности не имеют существенного значения, ибо сообщаемые в меморандуме факты достаточно ярко рисуют режим, установленный оккупантами, и объясняют, на какой почве произошло восстание.

Четырнадцатилетняя Рейзен скончалась на другой день в женском госпитале, от внутреннего кровоизлияния при пытке. Восемнадцатилетняя Анна Хирилюк покончила с собой, неделю спустя, самоубийством, так как была заражена в ту ночь венерической болезнью. Делегация в составе трех лиц от жителей Бричан обратилась с жалобой к румынскому коменданту в Хотине, но была арестована и предана суду по обвинению в нарушении закона о безопасности государства. Суд приговорил к 3—5 годам заключения...

28-го января жители города Хотина были собраны барабанным боем в городской парк, чтобы присутствовать при следующем зрелище. К дереву был привязан сапожник-подмастерье Василий Филько. Он был весь в крови, и платье висело на нем клочьями. Вокруг него стояли генералы и офицеры, и между ними командир оккупационных войск генерал Броштиану (тот самый, который в приказах по армии хвастал перед солдатами тем, что в первые дни оккупации Бессарабии приказал утопить в Днестре 8 тысяч «большевиков» Сорокского уезда), комендант 4-й дивизии генерал Попеску. Последний совместно с офицерами производил избиение несчастного подмастерья, испускавшего звериные крики. Возмущенному населению было сказано, что Филько приговорен к смертной казни за большевизм, и в назидание населения должен быть убит на его глазах. На самом же деле его преступление сводилось к тому, что он часа за два до этого зрелища осмелился сказать солдатам, что они не в праве забирать у населения продукты, не платя за них. Когда офицеры заметили, что под их ударами Филько кончается, они устроили стрельбу в цель по живой мишени. Каждый неудачный выстрел сопровождался смехом и шутками присутствовавших генералов и офицеров. Несчастный был убит только пятой пулей, попавшей ему в лоб. При убийстве присутствовали жена и дети покойного, тело которого оставалось висеть на дереве в течение трех дней в назидание населению».

Теперешнее состояние Бессарабии.

Господин Титулеску в своем ответе мне указывает на то обстоятельство, что если в 1912 году, когда я вел свою кампанию против царской России, еще можно было с кое-каким

основанием считать, что существовавший тогда в Румынии режим существенно не отличался от русского, то теперь этого больше сказать нельзя. Теперь Румыния является «демократической» страной. Там существует всеобщее избирательное право и была проведена «самая радикальная аграрная реформа». На это можно ответить, что если румынское правительство ввело в стране такие широкие демократические реформы, которые привлекли симпатии всего крестьянского населения, как утверждают румынские представители за границей, то почему бы тогда румынскому правительству бояться проведения плебисцита в Бессарабии? Очевидно, что эти пресловутые реформы такого характера, что они ни в малейшей степени не уменьшили глубокой ненависти, которую питает бессарабское население к румынским властям.

Прежде всего, необходимо здесь дать небольшую историческую справку. Я могу доказать, на основании целого ряда документов, в частности, на основании переписки русских представителей в Яссах, Мосолова и Поклевского-Козел, с Временным правительством в мае—июне 1917 года, что эти реформы были даны только перед лицом непосредственной опасности распространения вспыхнувшей в России революции и на Румынию. Достаточно здесь подчеркнуть, что торжественный манифест румынского короля к румынской армии, в котором он обещал крестьянам землю и избирательные права, был выпущен всего через четыре дня после моего освобождения из румынской тюрьмы находившимся в Яссах русским гарнизоном, чтобы стала ясна причинная связь между опасностью революционных событий и обещанием реформ. В течение этих четырех дней, о которых я упомянул, румынское правительство переживало большую тревогу; в частности, к 23 апреля, празднику Св. Георгия, оно ожидало выступления русского гарнизона в Яссах против румынского правительства. Из упомянутой секретной переписки мы теперь знаем, что румынское правительство ожидало даже попытки ареста короля, при чем, как уверял Таке-Ионеску русского посла Мосолова, король заявлял, что он не будет сопротивляться.

Вот откуда ведет свое происхождение аграрная реформа.

Без русской революции румынским крестьянам пришлось бы снова повторить восстание 1907 года, подавленное с такой невероятной жестокостью правительством Братиану.

Так как аграрная и избирательная реформы были применены на практике злейшими врагами румынских народных масс,—теми политическими партиями, которые представляли интересы помещиков, то на деле оказалось, что последним удалось закрепить за собой, под различными предлогами, громадные пространства земли. В Бессарабии, после оккупации, когда у власти находилось помещичье правительство Маргиломана, у крестьян были отняты те земли, которые они захватили у бессарабских помещиков. Крестьян заставили, как об этом говорится в документах, которые я приводил выше, восстанавливать разрушенные здания и платить контрибуцию помещикам за расхищенный живой и мертвый инвентарь. Следующие правительства, боясь крестьянских волнений, должны были опять идти навстречу крестьянам, но, вместо того, чтобы давать землю бессарабским безземельным крестьянам, они роздали ее или переселенцам из старой Румынии и Трансильвании, или своей политической клиентуре — кабатчикам, чиновникам, офицерам, скупщикам, — стремясь, таким образом, создать из этой, никогда ранее не имевшей отношения к сельскому хозяйству массы, опору для румынского господства в Бессарабии. Не лучшая судьба постигла аграрную реформу и в самой Румынии. И здесь помещикам удалось удержать в своих руках большие площади земли; поэтому и румынская крестьянская партия снова ставит в своей программе пункт об аграрной реформе.

Что касается избирательной реформы, то в стране, где вся власть сосредоточена в руках тайной полиции и 40,000 жандармов, представляющих из себя настоящую казнь египетскую для всего населения, в особенности, крестьян,—вообще избирательное право есть лишь маска самого безудержного правительственного произвола. Очевидно, сам господин Титулеску не слишком полагается на «демократизм» теперешней Румынии, ибо он старательно устраняет единственный демократический способ проверки настроения бессарабского населения—плебисцит. Я уже отмечал, что у меня на руках имеется колоссальный материал, свидетельствующий о том неслыханно тяжелом положении, в котором находится бессарабское население при румынской власти. Крестьянство подвергается самой жестокой эксплуатации как со стороны оставшихся помещиков, так и со стороны государственного налогового аппарата. К этому нужно прибавить нескончаемые грабежи среди бела дня, практикуемые

плохо оплачиваемыми румынскими чиновниками, теперь в еще большей степени применяющими свою старую традицию—жить за счет населения.

До какой степени дошел упадок бессарабского населения, можно судить хотя бы по сведениям, даваемым в корреспонденции из Кишенева, напечатанной в бухарестской газете «Лупта» в номере от 28 декабря 1924 года, под красноречивым заглавием: «Моральный упадок бессарабского крестьянства». К этому общему заголовку прибавлены следующие подзаголовки: «Жалкий вид деревни», «Разврат и пьянство процветают». Корреспондент передает разговор с одним из влиятельных бессарабцев, не принадлежащим ни к какой партии:

«Из села прибывают,—заявил мой собеседник,—чаще и чаще сведения самого неутешительного характера. Наши села развращены, деморализованы и разложены в самой высокой степени. Никогда кроткие наши молдаване не потребляли такого громадного количества спирта, как в наши времена. Пьют старики и молодежь, пьют женщины и девушки, пьют, наконец, малолетние. Есть целые деревни, где в праздничный день нельзя найти ни одного трезвого человека. В связи с этим крестьянская масса беднеет, земельные участки пропиваются и продаются в кабаках за ничтожную цену. Это способствует созданию так называемого сельского пролетариата из безземельных крестьян. Это значит, что создается такой класс людей, который создаст затруднения и заботы для каждого правительства. Этот легко воспламеняющийся человеческий материал, опасный для общественной жизни всякого государства, несет с собой увеличение народившегося социального недовольства. Земля переходит постепенно в руки деревенских скупщиков, которые, благодаря своему богатству, становятся руководителями политической власти в деревне».

Второй момент, заслуживающий быть отмеченным в политике румынского правительства, это преследование национальностей. О политике румынского правительства по отношению к так называемым национальным меньшинствам (хотя обыкновенно здесь речь идет о категориях населения, которые на своей территории составляют абсолютное большинство) мне не раз приходилось говорить в настоящей брошюре.

Немедленно после разгрома немецкой армии, когда Румыния еще не знала, как отнесутся ее союзники к ее беспример-

ным территориальным претензиям, на много превосходившим то, что румынскому правительству удалось получить в договоре от августа 1916 года, после двухлетнего шантажа,—оно, чтобы усыпить протесты со стороны национальностей присоединяемых территорий, поспешило, прямо или косвенно, заключить с ними ряд формальных договоров, которыми оно обеспечивало культурную автономию и вообще соблюдение полного политического и гражданского равенства этих национальностей. Но, когда Румыния укрепилась в своих новых границах, о которых никогда не мечтали даже самые смелые румынские шовинисты, когда для румынской правящей клики стало ясно, что некому заступиться за эти несчастные национальные меньшинства, отданные на съедение румынской бюрократии, она круто повернула свою политику по отношению к национальным меньшинствам. Несмотря на версальский договор и все те статуты Лиги Наций, в которых торжественно утверждаются права национальных меньшинств, румынское правительство самым беззастенчивым и грубым образом стало закрывать школы и храмы национальных меньшинств и стало проводить политику самой наглой и насильственной румынизации. В этом отношении особенно отличилось нынешнее «либеральное» правительство Братиану. На протесты некоторых газет, указывавших на то, что подобная политика ведет к созданию внутри Румынии новых и новых враждебных сил против румынского государства, официальный орган либерального правительства «Вииторуль» ответил статьей, одно заглавие которой—«Национальная школа—очаг ирредентизма и большевизма»—указывает на ретроградство и мракобесие политики румынского правительства по отношению к нерумынским национальностям. На страницах бухарестских газет, которые, в общем, все без исключения поддерживают национальную политику румынского правительства, иногда появляются корреспонденции о том тягчайшем положении, в котором находятся школы национальных меньшинств в Бессарабии, Трансильвании, Добрудже. Так, например, в газете «Лупта» рассказывается о подвигах училищного инспектора Кумпанич в Кишиневе, который составил черный список учителей, подлежащих увольнению за недостаточно быстрое проведение политики румынизации.

Несмотря на гонения на русскую культуру в Бессарабии, бессарабская и молдаванская молодежь открыто демонстрирует

свои симпатии к Советскому Союзу и к российской культуре. В газете «Универсул» были корреспонденции из трансильванского университетского центра Клуш, в которых корреспондент-шовинист возмущался тем, что бессарабские студенты-молдаване продолжают говорить между собой по-русски. Что касается бессарабских студентов в Бухаресте и в Яссах, то они поставлены там под особый полицейский надзор.

После того, что мною здесь было уже неоднократно сказано,—не приходится подробно говорить о тех нравах, которые ввела в Бессарабии румынская военная и гражданская администрация. Уже в своей статье в «Эпока», которая вызвала ответы гг. Лаговари и Титулеску, я приводил цитаты из бухарестских газет, в которых говорилось о глубочайшем возмущении бессарабского населения, в частности, бессарабского крестьянства, против применения румынами розог и пыток не только в тюрьмах, но и при всех случаях сношений гражданских и военных органов с местным населением. В этом отношении, как указывали сами бухарестские газеты, румынская администрация оказалась в десять раз хуже старой царской администрации, при которой розги и пытки были упразднены не только юридически, но и фактически.

Здесь я приведу цитаты из бухарестской газеты «Лупта» от 30 декабря 1924 года. В статье под заглавием «Ужасы кишиневской тюрьмы» сказано: «Сделанные нашим кишиневским корреспондентом несколько дней тому назад разоблачения относительно ужасов, которые имели и продолжают иметь место в кишиневской военной тюрьме, должны вызвать возмущение и беспокойство. Возмущение—потому, что зверства, подобные тем, которые совершаются в военной тюрьме, не могут быть восприняты человеческой совестью XX столетия; беспокойство—потому, что тирания порождает тиранию, потому что эти несчастные, которые подвергаются сегодня диким пыткам, становятся завтра самыми непримиримыми врагами общества, которое терпело издевательства над ними. Один поручик и один капитан сошли с ума, вследствие истязаний. Третий заключенный, об'явивший голодовку, был избит в кровь. У одной заключенной женщины произошел аборт, как результат совершенных над нею возмутительных издевательств. Наконец, часть заключенных буквально из'едена вшами».

Особого внимания заслуживает та жестокость, которую проявили румынские власти при подавлении недавнего восстания в южной Бессарабии. Испытав страх перед небооруженной толпой крестьян, у которых оказалось всего два пулемета, захваченных у румынских же солдат, один сломанный, а другой без патронов,—румынские офицеры не знали пределов своей мстительности. Целые деревни были уничтожены артиллерийским огнем, сотни и сотни крестьян были расстреляны из пулеметов. В течение долгих недель эта несчастная часть Бессарабии подвергалась расстрелам, поджогам и всякого рода насилиям.

Нечистая совесть румынских министров искала успокоения в заведомо ложном сообщении, что это восстание якобы было подготовлено на территории Советского Союза. Но постепенно и здесь истина проложила себе дорогу, и в самой румынской печати был оглашен ряд сведений, указывавших на то, что восстание имело чисто стихийный характер и было вызвано грабежами и гонениями румынских административных властей. Характерно, что это восстание одинаково захватило и молдаванские, и болгарские, и украинские, и русские деревни. Лишь немцы-колонисты, которые в первый момент были на стороне восставших, когда увидели, что это восстание не имеет шансов на успех, повернулись против своих восставших братьев. Эта измена объясняется и их особым экономическим положением, так как еще при Макензэне немецкие колонии получили большие наделы земли, чего не посчастливилось получить ни молдаванским, ни другим крестьянам.

Через румынские газеты и румынский парламент всплыли наружу также некоторые подробности эпилога этого восстания. Местные сатрапы, чтобы избавиться от нежелательных для них элементов, арестовывали их и по дороге в тюрьмы убивали, как собак. Между прочим, некто Базалеу, председатель одного сельского кооператива в Аккерманском уезде, расправился по этому рецепту с семью крестьянами, которые требовали у него отчета от имени своей деревни в растраченных им тридцати пяти тысячах лей имущества кооператива. Из семи крестьян шесть были расстреляны, когда их вели в Кишинев. Одному из них, Филатову, прикинувшемуся мертвым, удалось пробраться в Бухарест, где он сообщил комитету крестьянской партии о совершившемся. История была разоблачена в печати. Но румынское правительство и глазом не моргнуло. Оно нахальным образом

объявило, что Филатов—зачинщик восстания, бежавший от тяжкого обвинения, и распорядилось, чтобы он был немедленно арестован и, несмотря на его раны, препровожден обратно в Бессарабию. Возможно, что мы о нем уже больше ничего не услышим, так как и с ним поступят так же, как поступили с его шестью товарищами.

Несмотря на то, что, в общем и целом, румынская печать поддерживает политику правительства, она не может, тем не менее, закрыть полностью свои столбцы для тех ужасных разоблачений, которые периодически делаются о систематических убийствах, совершаемых военными и гражданскими властями над заключенными.

Нравы румынской администрации в Бессарабии получили столь широкую известность, что даже маршал Фош в интервью с румынскими журналистами в Париже выразил пожелание, чтобы в первую очередь была установлена хорошая администрация в Бессарабии.

Лучшим заключением этой главы я считаю ту характеристику румынских порядков в Бессарабии, которую дал в парламенте старик Василий Строеску, признаваемый всеми румынскими националистами за родоначальника румынского национального движения в Бессарабии. На заседании румынского парламента 10-го февраля 1920 года Строеску произнес речь, вызвавшую негодование всех партий, потому что слова этой речи, как капли расплавленного свинца, падали на лица румынских депутатов. Вот что бухарестская газета «Адеверул» передавала об этом заседании:

«Василий Строеску указывает, что положение в Бессарабии в высшей степени тревожное. Местные власти производят сильное давление на население. Правосудие совершается в суммарном порядке, злоупотребления встречаются полную терпимость даже со стороны министров. Общественные свободы совершенно упразднены военным режимом, введенным в Бессарабии. С болью приходится констатировать, что положение там было легче при старом русском режиме. (Возникает шум).

Иорга (председатель). При всем моем к вам уважении, я не могу больше выслушивать подобные вещи (бурные аплодисменты).

Строеску пытается продолжать (слышны протесты, его перебивают).

Иорга. Вы оскорбляете здесь всё прошлое и будущее нашей нации, и я не могу вам разрешить продолжать (продолжительные аплодисменты).

Строеску желает продолжать. Возникает шум, в особенности на скамьях либералов. Председатель безрезультатно старается восстановить спокойствие. Гам продолжается. Возникает очень бурное препирательство. Иорга объявляет перерыв.

(После перерыва).

Голос. Вы защищаете бандитизм господина Инкульца.

Голоса социалистов. Прекратите террор в Бессарабии.

Другой голос. Стыд, бессарабский вопрос обсуждается теперь в Париже.

По восстановлении спокойствия, заседание возобновляется.

Доктор Чугурян. С большим сожалением я выступаю против господина Василия Строеску, столь великого в прошлом и столь малого ныне (аплодисменты).

Василий Строеску просит слова. В виду отказа он покидает зал заседания, говоря «до свидания».

Бывший русский посол в Бухаресте Поклевский-Козел, пересылая 6-го марта 1920 года вышеприведенный документ Сазонову в Париж, в препроводительном письме писал:

«Протест господина Строеску, в высшей степени интересный сам по себе, как дающий яркую картину печальной бессарабской действительности, приобретает особое значение, если принять во внимание, что уже одно имя Строеску является полной гарантией беспристрастности его заявлений о том грустном положении в Бессарабии, которое как правительство, так и вся националистическая печать стараются всячески замалчивать.... К сожалению, текста речи г. Строеску в прессе не появлялось. Хотя в своем письме директору газеты «Адеварул» г. Строеску и говорит о своем намерении опубликовать свою речь, исполнено им этого не было. Вероятно, его удалось отговорить от этого намерения, но не исключена возможность и того, что напечатание его речи просто было запрещено правительством».

И это пишет человек, который является *persona grata* при румынском дворе и румынском правительстве и который всячески способствовал захвату румынами Бессарабии.

Еще два слова об экономическом положении Бессарабии после румынской оккупации. И румынская, и заграничная печать

в один голос отмечают быстрый хозяйственный упадок Бессарабии, начиная с момента ее присоединения к Румынии. В газете «Лупта» от 2-го января 1925 года напечатана корреспонденция из Кишинева, под заглавием «Экономический и финансовый кризис в Бессарабии». Мысль, развиваемая в этой корреспонденции, заключается в том, что столица Бессарабии, Кишинев, который раньше был крупнейшим коммерческим пунктом и имел широкие хозяйственные связи со всем югом тогдашней Российской империи, с момента своего присоединения к Румынии начинает экономически умирать. То же самое можно сказать и о всех других городах Бессарабии и, вообще, обо всей экономической жизни Бессарабии. Раньше бессарабские продукты находили громадный сбыт в Россию, теперь они остаются непроданными, и земледелие, виноделие и садоводство идут к полному упадку. Неудивительно, поэтому, что член румынского сената Санилевич, он же председатель кишиневской торговой палаты, высказывает в «Универсул» от 2-го января 1925 года мнение, что только восстановление экономической связи с Советским Союзом может снова поднять экономическое благосостояние Бессарабии. Естественным выходом для продуктов Бессарабии на внешний рынок являлась Одесса и юг России, а теперешняя Украина являлась выходом на внутренний рынок. Насильственное отделение Бессарабии от ее естественных экономических выходов отразилось, с одной стороны, на торговле такого города, как Одесса, которая потеряла большую часть своего хинтерланда, с другой,—на экономической жизни самой Бессарабии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Мы уже указывали, что подписанная в октябре 1920 г. конвенция об аннексии Бессарабии вступает в силу лишь после того, как она будет ратификована всеми подписавшими ее государствами. Как известно, до сих пор конвенция не ратификована Италией и Японией. Румынское правительство сейчас делает отчаянные усилия, чтобы добиться ратификации конвенции этими двумя державами. Это не мешает, однако, братьям Братиану гордо заявлять в заграничной печати, что вопрос о Бессарабии есть чисто внутренний румынский вопрос. Почему же тогда Румыния так добивается, чтобы эта аннексия была признана как раз

со стороны тех государств, которые ни прямо, ни косвенно, никогда никакого отношения к Бессарабии не имели? На самом деле, если оба вышеупомянутые государства ратификуают конвенцию, то это отнюдь не создаст для Румынии валидного титула собственности на Бессарабию. В лучшем случае, Румыния заручится только поддержкой в своем стремлении добиться от настоящего собственника Бессарабии, т.-е. от Советского Союза, признания аннексии, отсутствие которого лишает Румынию, с точки зрения международного права, всякого титула на владение Бессарабией. И как там ни хвастали бы братья Братиану, но, в конце-концов, они понимают великолепно, что вопрос о Бессарабии будет решаться не в Токио и в Риме, а в Москве.

Румынские дипломаты, настаивая перед итальянским и японским правительствами на ратификации конвенции октября 1920 г., ссылаются при этом на то, что государства, подписавшие эту конвенцию, тем самым приняли на себя торжественное обещание перед Румынией и не могут отречься от своей подписи. Очевидно, этой сантиментальной стороне вопроса румынские дипломаты придают большое значение, потому что их статьи, напечатанные в итальянских и других газетах, пересыпаны именно такого рода рассуждениями. Но это неправильно ни юридически, ни политически. Юридически потому, что до ратификации подпись не считается обязательной, иначе незачем было бы предусматривать ратификацию. Кроме того, если румынское правительство придает такое большое значение торжественным подписям, то почему оно само отрицает свою собственную подпись под договором, заключенным в марте 1918 г., в силу которого Румыния должна была немедленно приступить к очищению территории Бессарабии? А, ведь, этот договор даже не нуждался ни в какой ратификации ни румынским парламентом, ни румынским королем, как ясно вытекает из содержания самого договора.

Так как румыны ставят вопрос на почву благородства, то пусть уж они первые дадут пример благородства, пусть они выведут свою армию и администрацию за Прут, и только после этого можно будет разговаривать о благородстве.

Но требование румынского правительства, чтобы Италия и Япония ратификовали конвенцию 1920 г., потеряло уже все юридические, и политические основания. Когда подписывалась конвенция 1920 г., Советское правительство не было признано,

т. е. тогда не было, как говорится на языке международного права, международного субъекта, который мог бы вместе с другими государствами обсуждать вопрос о Бессарабии. Таковым же было положение и тогда, когда Англия и Франция ратификовали эту конвенцию, так как тогда между этими двумя государствами и Советским Союзом еще не существовало нормальных дипломатических отношений. Конечно, это обстоятельство не избавляет правительства этих двух стран от страшной ответственности, которую они приняли на себя, совершив этот неслыханный акт. Но ответственность, которую возьмут на себя правительства Италии и Японии, в случае ратификации конвенции, будет в десять раз больше ответственности Англии и Франции, ибо и правительство Италии, и правительство Японии уже находятся в нормальных дипломатических отношениях с Советским Союзом.

Они уже не могут прибегать к юридической схоластике для того, чтобы при решении вопроса о Бессарабии устранить то государство, которое в этом непосредственное всего заинтересовано. Нельзя считать, что в Москве можно находиться в нормальных дипломатических отношениях с Советским правительством, а в Бухаресте игнорировать его существование и вместе с румынским правительством распоряжаться его территорией. Такое положение не имело бы прецедента в истории. Мы могли бы, следуя этому процедуре, подписать с греческим или турецким правительством договор о том, что мы признаем за первым или вторым право на Додеканез, а, например, с китайским правительством, что признаем за ним Вей-Хай-Вей. Как бы отнеслись к этому итальянское и японское? Точно таким же вызовом будет по отношению к Советскому Союзу ратификация Италией и Японией конвенции 1920 г. Нужно прямо и открыто сказать, что ратифицировать эту конвенцию теперь уже поздно.

Все содержание конвенции говорит за то, что она была подписана в расчете на ее проведение в жизнь до признания Советского правительства. Об этом свидетельствует и тот пункт конвенции, в котором говорится, что пограничная комиссия, которая будет определять границы между Россией и Румынией, будет состоять из одного представителя держав, подписавших конвенцию, из одного представителя Румынии и из одного представителя Лиги Наций, который должен выполнять

функции «русского» представителя. Кто теперь посмеет послать на нашу территорию комиссию в таком составе, которая стала бы определять на нашей территории, помимо нашей воли, границу между нашим государством и нашими соседями? Как отнеслись бы к такой комиссии наши власти? Полная абсурдность этого пункта доказывает полную абсурдность этой конвенции.

Теперь итальянское и японское правительства должны подойти к вопросу по существу и должны очень серьезно считаться с теми последствиями, которые будет иметь для будущих отношений подобный акт с их стороны. Пусть они не предполагают, что тут идет речь о пустой формальности: аннексия Бессарабии вызвала и продолжает вызывать всеобщее возмущение в пределах Советского Союза. Надо надеяться, что Италия и Япония исправят ошибку, совершённую двумя другими государствами из числа подписавших конвенцию. Если они этого не сделают, то возмущение населения Советского Союза будет в десять раз большим.

Пусть государственные люди этих двух стран имеют в виду те особые чувства, которые питает все население, в частности, крестьяне Советского Союза, к Румынии. Румыния создавалась, как государство, в результате многочисленных войн, которые вела в прошлом Россия против Турции. Правда, их вел царизм с определенной захватнической целью (об этом среди представителей Советского правительства двух мнений быть не может), но за эти войны расплачивались русские крестьяне. Нет семьи в России, семейные традиции и воспоминания которой не связывались бы с этими войнами. Не нужно также забывать, что во время мировой войны русские армии сражались в течение года, чтобы отстоять существование Румынии, которая, вступив в войну на стороне союзников, вскоре оказалась не подспорьем, а тяжелым бременем для них, и это бремя пришлось выносить на своих плечах русским мужикам. И когда русские рабочие и крестьяне были заняты своими внутренними делами, были втянуты, вследствие интервенции союзников, в гражданскую войну, в этот момент румынское правительство без боя, грубым обманом захватило у Советского Союза богатейшую территорию свыше 40.000 квадратных верст с тремя миллионами населения. Русские крестьяне, знающие тяжелое положение румынских крестьян, проникнуты к ним ве-

личайшими симпатиями. Но далеко нельзя сказать того же про чувства крестьян Советского Союза по отношению к румынским помещикам.

Перед Италией и Японией стоит дилемма: или отказать Румынии в ратификации конвенции и, таким образом, заставить ее идти по единственно правильному пути, добиваясь разрешения бессарабского вопроса совместно с Советским правительством, и тем самым, укрепить мир на ее восточной границе, или же ратифицировать этот несправедливый договор и тем самым еще более запутать то сложное положение, которое создалось в результате незаконных действий союзников, подписавших конвенцию в 1920 г.

Х. Раковский.

Москва, 14 февраля.
